ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 4 (2387) Среда, 14 января 1948 г. Цена 40 коп.

Больше бумаги стране!

В годы второй сталинской пятилетки с трибуны Всесоюзного с'езда советских писателей, которым руководил Алексей Максимович Горький, раздался призыв к рабочим и инженерам бумажных фабрик:

«Уважаемые товарищи, — говорилось в обращении с'езда к ним, — основная цель нашей партии, нашего правительства — поднять всю массу населения Союза Советских Социалистических Республик на высоту современной промышленности, техники, культуры, чтобы с этой высоты открыть перед каждой единицей свободный и широкий путь к безграничному развитию ее разума, ее способностей и талантов... Вы знаете, товарищи, что книга — это основное орудие развития человечества и что для создания книг нужна бумага, и, кстати сказать, хорошая бумага... Всесоюзный с'езд литераторов Советских Социалистических Республик обращается к вам, товарищи, с просьбой усилить ваш труд...»

Более тринадцати лет прошло с тех пор, как на с'езде советских литераторов была закреплена дружба писателей с рабочими и инженерами, изготовляющими бумагу. Эти годы были периодом роста и развития бумажной промышленности среди других отраслей советской индустрии. Сотни миллионов рублей отпустило государство на строительство новых бумажных комбинатов и полную реконструкцию старых. По воле партии Ленина—Сталина мы строили на Урале металлургическую Магнитку и одновременно воздвигали корпуса Камского бумажного комбината. Мы сооружали гигант автостроения на берегу Оки, и невдалеке от него вырастали цехи Балахны. Восемнадцать новых гигантских предприятий бумажной промышленности создал в годы сталинских пятилеток наш народ, который в развитии бумажной промышленности видел путь к новым высотам культуры.

Советский писатель находил свое место на стройке гигантов сталинских пятилеток — будь это металлургический завод или бумажная фабрика. Памятниками той эпохи остаются «Время, вперед!» В. Катаева—роман о стройке металлургического гиганта— и «Соть» Л. Леонова—о сооружении бумажного комбината. «Бумага спорила за первенство с металлом, кожей, энергией и обнаружила несомненное равенство сил», — говорится в «Соти», написанной в первый год первой пятилетки.

Варварское гитлеровское нашествие нанесло большой урон бумажной промышленности—оно вывело из строя около половины производственных мощностей в этой отрасли. Первый послевоенный сталинский пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства определил —наряду с металлом и углем, тракторами и нефтью, автомобилями и текстилем —также и пути под'ема производства бумаги. «Восстановить в 1948 году и развить дальше бумажную промышленность, — говорится в плане новой пятилетки, — увеличить в 1950 году производство бумаги на 65 процентов по сравнению с довоенным уровнем, обеспечив при этом более значительный рост выпуска белёных качественных бумаг».

В те дни, когда по почину славных ленинградцев началось среди миллионных масс трудящихся всенародное движение за выполнение пятилетки в четыре года, вновь встретились стахановцы бумажных комбинатов и советские литераторы. Писатели обратились с боевым призывом к рабочим, инженерам, техникам и служащим бумажной промышленности — мобилизовать все резервы и дать больше бумаги Родине. Продолжая горьковскую традицию дружбы между писателями и бумажниками, дружбы, заложенной на Всесоюзном с'езде писателей, ныне работают на предприятиях в качестве активных участников борьбы за пятилетку в четыре года посланцы Союза советских писателей. В ближайшее время на бумажные фабрики выезжают новые бригады писателей и журналистов.

Активное писательское слово помогает предприятиям бороться с препятствиями, мешающими выполнению плана. Вместе с бумажниками воюет писатель за внедрение новой техники на самом предприятии, за всемерную поддержку новаторов, и вместе с тем борется он за лучшую работу поставщиков леса и машин, запасных частей и механизмов, за улучшение деятельности транспорта, за под'ем культуры и улучшение быта в городах и поселках бумажных комбинатов.

На Балахне и на «Соколе», на Камском комбинате и Ленинградской фабрике имени Горького, на предприятиях Калининграда и Карело-Финской ССР, на фабриках имени Володарского и имени Ворошилова работают ныне прозаики, поэты, очеркисты, показывая труд передовиков, будя отстающих, разоблачая косность и консерватизм, поднимая людей на борьбу за пятилетку в четыре года.

«Больше бумаги Родине», — призывают листовки, специальные выпуски печатных газет, плакаты. «Больше бумаги Родине»—это тема литературных вечеров и встреч, которые происходят в эти дни на бумажных предприятиях. Чтобы обеспечить получение большего количества бумаги, писатели устраивают встречу балахнинских бумажников с энергетиками — а ведь восемнадцать лет живут бумажники и энергетики рядом, восемнадцать лет борются за общее дело бок-о-бок, сталкиваясь с трудностями, побеждая их, преодолевая препятствия, — но только впервые встретились они по инициативе прибывшей бригады писателей, чтобы наметить пути дальнейшей совместной борьбы за пятилетку в четыре года.

Порядок и чистота в цехе, выпускающем бумагу, — залог высокой производительности. Кажется, это должно быть понятно всем. Однако лишь приезд писателей на Балахну и комбинат «Сокол» помог поставить в порядок дня вопрос о борьбе за культуру производства. На комбинате «Сокол» бригада писателей выяснила, что десятки предложений рационализаторов и изобретателей лежат без движения.

Хорошо сказал на встрече партийно-хозяйственного и профсоюзного актива комбината «Сокол» с участниками писательской бригады мастер тов. Зайцев:

— Особенно мешает нам то, что нет отражения нашей работы... А ведь у нас, у советских людей, заведено так: если мой товарищ сделал больше, надо не отстать. Нужно показывать лучших людей, чтобы народ знал, по кому равняться.

Правильно, тов. Зайцев! Слаб, еще очень слаб обмен опытом на предприятиях бумажной промышленности,—в этом убедились писательские бригады. И министерству, и Центральному комитету профсоюза рабочих бумажной промышленности много нужно поработать, чтобы достижения сеточника Камского комбината тов. Рогачева стали известны на Балахне, чтобы в Ленинграде равнялись по стахановцу Вишерского комбината тов. Митранову, чтобы почин варщика Соломбальского завода тов. Лобановой был распространен как можно шире, чтобы тысячи людей работали так, как бригадир тов. Буслаев на «Соколе». Передовые стахановцы не делают секретов из своих достижений, — почему же министерство и профсоюз не переносят любовно и бережно достижения с одного предприятия на другое, чтобы множилось число новаторов на бумажных комбинатах?

Ознакомление с большой жизнью предприятий, вторжение в будни цехов, которое совершают сегодня писатели на бумажных комбинатах, нужно рассматривать лишь как начало большой и слаженной работы творческих бригад прозаиков, поэтов, очеркистов на заводах и фабриках. Опыт, который приобретают сегодня писатели на Балахне и на Каме, в Архангельске и Ленинграде, в Калининграде и Вологде, может и должен быть перенесен на шахты Донбасса, на рудники Горной Шории и в цехи «Запорожстали». Пусть появятся и там бригады советских литераторов, которые в общении со строителями и сталеварами, с бурщиками и прокатчиками, с горновыми и забойщиками найдут новые источники творческого вдохновения. Пусть познакомятся писатели на производстве с будущими героями романов, повестей, очерков и поэм — с теми стахановцами и инженерами, которые под руководством партии Ленина — Сталина осуществляют пятилетку в четыре года и укрепляют могущество нашей Отчизны.

Поездки бригад писателей на бумажные комбинаты следует рассматривать как начало большой работы на предприятиях, начало большого пути. На этом пути нужно пожелать товарищам серьезных удач, значительных успехов, крупных творческих свершений!

Новаторы и консерваторы

Л. КАРПОВ, В. ПЕТРОВ

В годы сталинских пятилеток в нашей стране была создана мощная стекольная промышленность. Производство стекла было механизировано. Построены крупные предприятия, удовлетворявшие потребность народного хозяйства. Часть из них пострадала в годы войны. Ныне все довоенные производственные мощности стекольной промышленности восстановлены. Заводы могут и должны работать полным ходом!

Движимые благородным патриотическим стремлением — помочь Родине как можно быстрее ликвидировать последствия войны, передовые люди стекольной промышленности поставили перед собой задачу найти новые пути использования богатой техники, чтобы выжать из нее все, что она может дать.

Беспредельна творческая сила советских людей, работающих для блага всего народа. Стахановец Горьковского стекольного завода тов. Карасев, лучшие мастера Гусь-Хрустального тт. Новский и Янтарев и многие другие искали способов увеличения выпуска стекла. Уже первые их успехи показали, как велики производственные резервы. Вслед за ними на небольшом рижском стекольном заводе «Саркандаугава» («Красная Даугава») группа стахановцев под руководством энергичного инженера, потомственного донецкого стекольщика Павла Чередниченко сделала замечательное открытие, положившее начало новой блестящей главе в истории стекольной промышленности.

Основным агрегатом современного стекольного производства является машина Фурко. Она пришла на смену стеклодуву. Машина делает стекло. Машина тянет из печи ленту густой расплавленной массы сырья и превращает ее в светлые, прозрачные листы. Чем быстрее движется огненная лента, тем больше дает машина стекла. Много раз зарубежные ученые и инженеры-практики пытались ускорить движение ленты, но никому не удавалось добиться существенных результатов. Средняя скорость вытягивания стекла на лучших заводах мира не превышает 70—75 метров в час.

Стекольщики «Красной Даугавы» поставили перед собой смелую задачу — во что бы то ни стало перевести машины Фурко на более высокие скорости. Труден был путь новаторов.

Павел Чередниченко и его друзья не побоялись пойти на смелые эксперименты. Они много работали, они пошли на технический риск и, наконец, блестяще осуществили свой замысел.

Советская печать отметила выдающийся успех людей «Красной Даугавы», добившихся рекордных, неслыханных в истории мировой стекольной промышленности скоростей вытягивания стекла на машинах Фурко.

90 метров в час! 120!... 130!..

В продолжение всего 1947 года «Красная Даугава» работала на средней скорости— 120 метров в час. Ее стахановцы удвоили скорости вытягивания ленты и превзошли средние темпы, достигнутые на других заводах, более чем в два раза. Уже в 1947 году рижане работали на производственном уровне 1950 года и выполнили программу первых трех лет пятилетки.

Общеизвестно, с какой быстротой распространяется стахановский почин в нашей стране, с какой энергией подхватывают советские люди все новое, что способствует ускорению темпов выполнения государственного плана. Со всех концов Советского Союза начали поступать вести о стремлении лучших фуркистов работать на высоких скоростях. На рижский завод началось паломничество с других предприятий для обмена опытом.

Но не смолк еще гул одобрений, как уже прозвучали голоса так называемых «трезвых», «не увлекающихся» людей. Нет, они не отрицали значения высоких скоростей! Но они сразу нашли множество причин, якобы препятствующих внедрению скоростных методов на других заводах... На что только они не ссылались?! Кто-то пустил слух, что у рижан есть скорости, но нет... стекла. Другие пытались уверить, что оборудование у рижан, мол, не такое, как на остальных предприятиях. Третьи предупреждали, что высокие скорости неизбежно вызовут большое количество брака.

Громче всего раздавались эти голоса там, где новаторы, казалось бы, вправе были рассчитывать на крепкую поддержку, — в штабе стекольной промышленности, в Главстройстекле Министерства промышленности строительных материалов СССР. Причем наиболее последовательно и упорно защищали эту точку зрения заместитель министра, который одновременно является начальником главка, — тов. Потанин и главный инженер тов. Литваковский.

Из месяца в месяц рижские скоростники совершенствовали свой метод, добиваясь скоростей в 130 метров в час. Бой и брак стекла — бич многих заводов. А рижане непрерывно сокращали брак, увеличивали выпуск высоких сортов. И тем временем, несмотря на почин передовиков, стекольная промышленность в целом продолжала работать на старых скоростях.

Но не может в нашей стране затеряться стахановский почин. Небольшой стекольный завод под Москвой — в Мишерони, оснащенный таким же оборудованием, как и все другие наши предприятия, успешно перенял опыт рижан. Машины Фурко на этом заводе стали работать со скоростью в 90—100 метров в час. Никогда за всю историю завода в Мишерони не выпускали столько стекла. На новый путь вышли и стекольщики Лисичанска. Повышение скоростей помогло им добиться систематического перевыполнения государственного плана.

Победа стахановцев в Лисичанске и Мишерони вновь развеяла в прах теорию «медлителей», обнажив весь их консерватизм.

Прошло больше года с тех пор, как стекольщики Риги одержали свою замечательную победу. Много месяцев тому назад стахановцы Лисичанска и Мишерони доказали, что высокие скорости доступны любому стекольному заводу. Немало месяцев прошло с тех пор, как специально посланные на предприятия бригады Всесоюзного научно-исследовательского института стекла единодушно пришли к такому же выводу и заявили, что высокие скорости применимы повсеместно.

Может быть, после этого руководители Главстройстекла осознали свою серьезную ошибку и решили, наконец, поддержать инициативу стахановцев, по-большевистски взяться за широкое распространение стахановского опыта?! Увы, нет.

И если тт. Потанин и Литваковский теперь заявляют, что они за высокие скорости, то позволительно спросить их: чем, кроме слов, они доказали свою готовность внедрять высокие скорости в руководимой ими области промышленности?

Приведем факты. За минувший год средняя скорость вытягивания стекла на машинах Фурко отнюдь не увеличилась. Она осталась почти на том же уровне, что и в начале года. В то время как на рижском заводе скорости составляют 120—130 метров в час, почти все остальные стекольные предприятия работают на скорости ниже 60 метров!

Любители тихих скоростей не склонны, видимо, и в новом году использовать колоссальные возможности увеличения выпуска стекла, открытые новаторами. Расхрабрившись, они планируют теперь на 1948 год — на третий решающий год пятилетки — среднюю скорость... в 57,5 метра в час.

Напомним, что приказ министра, определивший задачи промышленности на 1947 год, когда высокие скорости не получили еще широкого распространения, обязывал стекольщиков работать на машинах Фурко со скоростью 65 метров в час и подчеркивал, что при всех условиях эта скорость не должна быть ниже 60 метров. Сегодня руководители Главстройстекла тт. Потанин и Литваковский ориентируют работников стекольной промышленности на движение... вспять.

Не так давно на совещании Технического совета Министерства промышленности строительных материалов СССР обсуждался очень серьезный вопрос. Речь шла о том, что в течение долгих лет научные открытия советских ученых, имеющие для стекольной промышленности исключительное значение, не внедряются в производство. На этом совещании выступил тов. Литваковский. И вот как он обосновал эту медлительность.

— Мы — не авиация, для авиационной промышленности такие темпы, может быть, и не высоки. А для нас они естественны.

Это чушь, тов. Литваковский! Скорости — революционизирующая сила. Они присущи всем отраслям нашей индустрии. Большие скорости — это стиль нашего продвижения вперед.

Революционизирующая сила стахановских скоростей ярко проявилась в стекольной промышленности. Под влиянием успеха фуркистов-скоростников уже найдены практические пути для ускорения варки стекла, чтобы дать машинам Фурко достаточное количество сырья при работе на высоких скоростях.

Планируемая скорость в 57,5 метра в час ни в коей мере не соответствует нынешним возможностям стекольной промышленности и стоящим перед ней задачам. Руководители Главстройстекла продолжают придерживаться своей консервативной точки зрения.

В преддверии 1947 года министр промышленности строительных материалов СССР в своем приказе дал весьма меткую оценку порокам, которые были присущи некоторым работникам стекольной промышленности. В этом приказе указывалось, что передовые люди стекольной промышленности проявили инициативу в повышении скорости вытягивания стекла. Министр указал, что когда дело дошло до применения новых методов, то обнаружилась практическая слабость некоторых работников, отрыжка старого консерватизма, боязнь нового.

Не в бровь, а в глаз! Прошел год, а старые пороки еще живут! Скоростные методы в стекольной промышленности не внедряются и поныне. Дело огромной государственной важности замерло.

Не впервые на суд советской общественности выносится консерватизм технической политики хозяйственников стекольной промышленности. Однако положение не изменилось. Очевидно, и в главке и в министерстве большевистское отношение к критике не культивируется.

Будем надеяться, что министр промышленности строительных материалов СССР тов. Гинзбург прислушается к голосу советской общественности, которая хочет знать, что же предпринимается в 1948 году для быстрейшего распространения опыта мастеров высоких скоростей.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«Радиоприемники или... полированные ящики»

Помещенная в «Литературной газете» № 2 от 7 января с. г. статья «Радиоприемники или... полированные ящики» правильно ставит вопрос о снабжении сельских потребителей источниками радиопитания и радиолампами.

Заводами Министерства промышленности средств связи было выделено для открытой продажи населению радиоприемников на батарейном питании: в 1946 году — 89 тысяч штук и в 1947 году — 125 тысяч штук, а источников радиопитания соответственно 112 и 203 тысячи комплектов.

В 1948 году намечено выпустить 110 тысяч штук радиоприемников и источников радиопитания 350 тысяч комплектов.

Таким образом, все находящиеся в эксплоатации и намеченные к поставке в 1948 году радиоприемники обеспечиваются источниками радиопитания с годичным сроком сохранности батарей.

При этом условии важнейшей задачей торгующих организаций и в первую очередь Центросоюза, как основной товаропроводящей организации на селе, является правильное распределение получаемых изделий по районам потребления.

Для обеспечения сохранности источников радиопитания при транспортировке для села необходимо производить отгрузку батарей в жесткой таре. Это зависит целиком от Главлесоснаба, который в прошлом году сорвал поставки лесоматериалов нашему министерству.

Необходимо признать, что население в прошлом году плохо снабжалось радиолампами. Министерством промышленности средств связи приняты меры к резкому увеличению выпуска радиоламп в 1948 году.

План выпуска детекторных приемников на этот год установлен в количестве 100 тысяч штук, наряду с ростом выпуска ламповых приемников в полтора раза по отношению к выпуску 1947 года. Следует учесть, что для удовлетворения потребности населения в детекторных приемниках производство их, как это предусмотрено решением правительства, должно быть организовано в массовом количестве и на предприятиях местной промышленности союзных республик и промкооперации.

Министерство промышленности средств связи ставит перед собой неотложную задачу — обеспечить колхозное крестьянство в 1948 году качественными детекторными, ламповыми приемниками и источниками радиопитания.

Министр промышленности средств связи СССР
Г. АЛЕКСЕНКО.

Е. ШЕВЕЛЕВА.

В Вестминстерском аббатстве

Полумрак в Вестминстерском аббатстве.
Мертвый блеск тысячелетних плит.
Бритый пастор о христовом братстве
И о вечной славе говорит.
С выдержкой английской внемлет паства,
А туристы, головы задрав,
Сравнивают готику аббатства
С дугами величественных арф.
В кружки опускается валюта,
Дань цивилизованных людей
Месту, где лежит под камнем Ньютон,
Где лежит под камнем Фарадей.
«Впрочем, уж не много ли им чести
Тут лежать и превращаться в тлен
С высшими чиновниками вместе?» —
Думает солидный бизнесмен.
Тут же, в гордом храме, похоронен,
Как легенды утверждают в лад,
Просто некий «неизвестный воин»,
Первой мировой войны солдат.
На могилу воина приходит
Женщина, беднейшая в приходе,
Обратив тускнеющие очи
К сводам, запыленным дотемна,
С раннего утра до поздней ночи
С богом пререкается она:
«Если ты велик — реши иначе!
Одного солдата воскреси!
Он был добрый мальчик, умный мальчик,
У тебя ведь тоже — сын!»
Целый день стоит она упрямо
Перед разукрашенной стеной.
«Паства» выбирается из храма,
Обходя старуху стороной.
Бритый пастор произносит сухо:
«Жаль, конечно, что солдат убит,
Но мадам — безумная старуха,
Господу — не до ее обид!»
И бредет по переулкам старость,
Отдыхает в чайной, поутру,
Где навес, как будто рваный парус,
Хлопает и плещет на ветру.
В чайной — запах мокрого каната,
Лица здесь суровы и темны.
Здесь друзья убитого солдата
Говорят о будущем страны.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ВТОРЖЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Заметки писателя

Производственные будни — это поток событий, больших и малых. Это целеустремленная воля многотысячного коллектива, выполняющего программу. Это широкий фронт, на котором ведут наступление Разум, Воля, Страсть, Упорство, Энтузиазм, Изобретательство, Расчет, Дерзание, Предвидение. Это сотни замаскированных крупных окопов и мелких траншей, которые надо уничтожать вместе с засевшими в них ленью, равнодушием, зазнайством, грязью, косностью. Это величественная и трудная битва, в которой участвуют большевистская Любовь и большевистская Ненависть.

Писатели включились в производственные будни Балахнинского бумажного комбината. Мы стали соратниками его инженеров и рабочих, участниками жизни, полной творчества, труда, исканий.

* * *

Великолепна техника на комбинате... Когда следишь за работой бумажной машины, испытываешь подлинный восторг перед величием человеческого разума, создавшего такой сложный и умный организм. Не менее удивительны агрегаты целлюлозного и древесномассного заводов. Строго согласованная работа сотен людей и многочисленных агрегатов создает нужную «композицию» древесной массы и целлюлозы. Молочно-белый поток мчится с поразительной скоростью по сетке, роликам и валикам восьмидесятиметровой громадины, похожей на соединение гигантского танка с грандиозным паровозом,—и вот поток этот превращается в могучие ролы бумаги.

Великолепна техника на комбинате... Но пройдите на лесную биржу и рейд, и вы увидите только несколько ценных разборочных передвижных транспортеров и тощий магистральный конвейер. И сразу вам захочется вторгнуться в этот мир примитивных приспособлений, мобилизовать технику на помощь дорогим для вас людям, преобразить все, что здесь происходит.

Во весь рост встанут перед вами большие проблемы малой механизации. Не думайте, что для полной механизации трудоемких процессов необходимы особо сложные машины. Нужны сотни метров передвижных транспортеров очень простой и легкой конструкции. Они дешевы, они требуют малого количества электроэнергии, они просты в эксплоатации. Тогда можно будет механизировать ссыпку дровяных и балансовых куч, загрузку балансов в шахты дефибреров, подачу опилок на узкоколейные платформы и вагонетки, отгрузку отходов из щеполовок, подачу щебня и песка на автомашины, удаление огарков от колчеданных печей кислотного завода, удаление золы из зольников паровых котлов. Великую большевистскую задачу освобождения людей от тяжелого физического труда могут решить также недорогие и несложные под'емно-транспортные устройства: тельферы, электрокары. Исключительную роль может сыграть пневматический транспорт, узкоколейки.

Все это можно легко внедрить. Все это надо сделать!

* * *

Техникой управляют люди. Программу выполняют люди. Людей выращивают люди.

Вот они перед вами, у бумажной машины или тримбея, у дефибрера или варочного котла, в паккамере или на рейде. Вот они в дирекции, в комнатах начальников смен, в парткоме и фабкоме, в клубе и дома, на «зарядках» перед сменой и на совещаниях у главного инженера. Вы входите в мир высокого нравственного достоинства и производственного энтузиазма.

В большинстве случаев кристально чисты взаимоотношения людей. А порою бывают они так сложны, что необходимо очень точное знание жизненных и производственных фактов, чтобы во всем разобраться и сделать правильный вывод. В поток высокого и радостного душевного напряжения врываются подводные течения самолюбий и честолюбий, устарелых привычек, залежалых бытовых традиций. Каждое совещание на комбинате—это школа для распознавания людей, их замыслов, достоинств, привычек, темпераментов.

Очень полезно писателю почаще бывать в таких школах.

* * *

Как поставлено соревнование на комбинате? Как показывают героев и наказывают виновных?

Имена стахановцев не называются на собраниях, об их трудовых подвигах почти не говорят ни страницы газеты, ни плакаты.

Наказания виновным в тех или иных проступках смехотворны и мизерны: их, видите ли, «не хотят обидеть», их фамилий не произносят с гневом. Вокруг их «деяний» не мобилизуются общественное негодование и презрение.

Мастер Волганов по собственной халатности «запорол» две сетки. Как его наказали?.. Снизили премию... Только после того, как он запорол третью сетку, партком бумажного цеха вынес ему строгий выговор с предупреждением, с занесением в личное дело, а дирекция сняла мастера с работы.

В первый раз применили такую заслуженную кару! Однако на партийном собрании цеха секретарь парткома т. Бугров не только не приковал внимания коммунистов к вынесенному важному решению, но и вообще не сказал о нем ни слова. Понадобились резкие выступления парторга ЦК ВКП(б) т. Волкова и представителя бригады писателей, чтобы поставить на обсуждение вопрос о Волганове. В процессе обсуждения выявилось, что на Балахнинском комбинате вообще не привыкли называть имена конкретных носителей зла. Лишь в выступлениях рядовых рабочих были заклеймены поступки членов партии Шитова и Евсеичева, не раз уходивших с работы без предупреждения. Вскрыты были «домашние отношения» на производстве некоторых мастеров, боязнь критиковать.

Это партийное собрание было большой школой.

* * *

Стиль производственной и общественной работы слагается из многих компонентов. Их надо уметь видеть, понять, оценить.

У комбината есть бесспорные достижения. Достигнуты довоенные скорости машин. Есть много изобретений, нововведений, есть замечательные люди во всех цехах. Однако ход социалистического соревнования, состояние критики и самокритики сигнализируют и о крупных вывихах в стиле работы комбината.

Побудьте всю смену у машины. Что бросается в глаза? Мастер не является хозяином участка. Он не является центральной фигурой на производстве, хотя об этом ясно говорят указания Центрального Комитета ВКП(б). Слишком часто начальники цехов или даже главный инженер подменяют собой мастера. Они сами берут на себя тот или иной ремонт, заявляя: «Это я сделаю!» Такие действия снимают с мастера ответственность и глубоко обижают его. Мастер не имеет права остановить машину хотя бы на десять минут.

Но дело тут не только в десяти минутах и даже не только в положении мастера на производстве. Возьмите график планово-предупредительного ремонта, сверьте цифры с фактами, и вы поймете, что этот график—самый неуважаемый документ на комбинате. Сколько клятв произнесено над графиком! Сколько дано обязательств соблюдать его до секунды! А на деле—все наоборот.

Менять надо этот стиль, искоренять! График работы—незыблемый закон. График ремонта—тоже закон, столь же твердый, незыблемый.

* * *

«Зал, где стоит огромная, кажется в 70 метров длиною—машина, выпускающая готовую бумагу, просторен, светел и похож на танцовальный зал...»,—сказал Алексей Максимович Горький в 1929 году о Балахнинском комбинате. Вряд ли повторил бы он эту фразу сегодня... Огромный зал захламлен донельзя, он дико грязен. Окна не мыты года полтора. Кто же в такой обстановке будет носить чистую спецовку или перестанет бросать грязные обрывки бумаги куда попало?

— Мы здесь программу делаем, а не чистоту соблюдаем!—сказал один из мастеров.

Он не понимал страшного смысла своей фразы. Ведь как раз в его смену кто-то бросил на пол инструмент, неожиданно ударивший по крючку—незаметному среди груды хлама,—а этот крючок попал на сетку и порвал ее. Машина простояла семь часов.

В других цехах грязи еще больше, чем в бумажном зале. Она страшна. Но равнодушие к ее существованию даже страшнее, чем сама грязь.

* * *

Писатели побывали и в квартирах, клубе, Доме пионеров, столовых, общежитиях, больнице, детских яслях. Сколько людских характеров наблюдали мы! Вникая в жизнь, мы учились у нее. Учились для того, чтобы вернее действовать.

То, что удалось сделать писательской бригаде на комбинате, было началом похода на об'ективные причины, мешающие балахнинцам выполнять программу.

Стены цехов запестрели плакатами, стихотворными лозунгами и «молниями». Газета комбината, в которой писатели принимали активное участие, заговорила острым языком, особенно в отделе «Бракомолка». Бригада приняла участие во многих мероприятиях, имеющих целью усилить критику и самокритику. Бригада подняла на щит героев производства и обрушилась на тех, кто мешал выполнению плана или срывал его. Был начат поход за чистоту в цехах, за культуру производства. Директор комбината издал детально разработанный приказ о наведении и соблюдении чистоты. Были мобилизованы вокруг этого задания все силы заводских организаций. Комсомольцы взяли шефство над чистотой. Впервые за всю историю предприятия было созвано собрание уборщиц.

После нашего посещения общежитий и квартир, детских яслей и больницы возник вопрос о возрождении движения жен инженерно-технических работников комбината. Об этом надо будет рассказать отдельно, ибо факты, побудившие создать совет жен инженеров и техников, достойны всяческого внимания.

Состоялись и собрание врачей поселка Правдинск, собрания интеллигенции поселка и комбината, вечера поэзии, лекции.

* * *

Четырнадцатый раз работаю я с 1930 года на заводах и стройках страны в выездных бригадах.

Творческой радостью наполнены были и эти дни на бумажном комбинате.

На Балахнинском бумажном комбинате нами сделано еще немного. Впереди море работы. Но ясно уже, что эта работа почетна и радостна для писателей, что она даст результаты и для страны и для писательского творчества. Наша бригада желает всем писателям почаще испытывать то великолепное ощущение результативности своей строки, своего устного слова, своего дела, своей инициативы, какое испытываем мы ежедневно здесь, на комбинате. Какая радость — вторгаться в жизнь, видеть и учиться, мыслить и планировать, и действовать, действовать, действовать!

ПРАВДИНСК, Горьковской области.

ПАЛАЧ

Само имя генерала Франко оскорбляет здравый смысл: «франко» по-испански значает «верный», «чистосердечный», «благородный».

Генералу Франко, залившему кровью Испанию, более подходит имя «Вердуго» — палач.

Народ быстро подметил это несоответствие в имени, и народная молва наделила кровавого диктатора и лицемера своими кличками: «Франко — пиратский генерал», «Франко — предатель из предателей»...

Испанский народ, который по природе своей простодушен, искренен, порывист, благороден,—чувствует инстинктивное отвращение к зловещим предателям типа Франко.

У Франко нет ни одной испанской черты. Он словно слеплен из немецкой казарменной бесчувственности и мрачного ватиканского иезуитства. Поэтому с такой ненавистью был встречен Франко при своем появлении на авансцене испанских событий — внезапном, как появление марионетки в кукольном театре. Поэтому ненависть народа к нему росла по мере того, как всплывала на поверхность его холодная, нечеловеческая и ненасытная жестокость.

С детства был он иезуитом. 1907, 1910, 1912 годы... Монархия еще была сильна. Обеспеченные испанские семьи, желая дать детям «хорошее» воспитание, посылали их в многочисленные колледжи иезуитов. В этих колледжах, своеобразных психологических лабораториях, характер молодых людей подвергался коренной ломке: в них развивали заискивающие манеры, вкрадчивый голос, холодную улыбку; они вырастали людьми с бесчувственным, черствым сердцем и тупой непреклонностью идей, скрытых под снисходительной маской терпимости. И тогда их бросали в мир — будто воздушные шары, привязанные невидимой нитью, которая направляла их, заставляя подниматься и опускаться, смотря по обстоятельствам. Эти молодые люди были подготовлены к совершению всех предательств, какие только возможно совершить: они готовы были предать родину, честь, народ во имя одной верности, разумеется корыстной, — верности многомиллионному ордену св. Игнатия, а также Банку католической церкви.

Таким был и Франко, прошедший полный курс клерикального лицемерия в одном из иезуитских колледжей.

После окончания колледжа зажиточные испанские семьи посылали своих детей в различные высшие учебные заведения: из них выходили адвокаты, инженеры, священники. Но, по крайней мере, один из питомцев семьи, следуя традиции средневековья — «Монастырь, море или королевский двор», — шел по блестящему пути военной карьеры. Военные должности распределялись точно по кастам: в кавалерию шла знать, которой нравилось сверкать эполетами и плюмажем; в артиллерию — высший и наиболее культурный слой буржуазии; в пехоту — дети из семей, принадлежащих к среднему классу.

Чтобы вознаградить пехоту за скромное происхождение, ее называли «славной». Да, она была действительно славной, когда ею руководили генералы вроде Риего, а испанская армия играла прогрессивную роль. Но она перестала быть славной, когда перешла на службу реакции, когда во главе ее стали такие предатели родины и народа, как Франко.

Как далеки героические времена Палафокса, защитника Сарагоссы против французского вторжения, Кастаньоса, победителя при Байлене, Риего, великого патриота!.. Целый век прошел с тех пор. Теперь у офицеров, окончивших академии, были лишь две цели: захватить богатое приданое (то-есть жениться на состоятельной провинциалке) и попасть на постоянную колониальную войну в Марокко, чтобы сделать быструю карьеру.

Франциско Франко, хитрый и расчетливый, осуществил обе эти цели: женился на богатой аристократке из Астурии и отправился в Марокко строить карьеру на невинно пролитой крови.

Известно, что там, еще совсем молодым человеком, он стал немецким шпионом при посредничестве своего ад'ютанта некоего Тида Педен, уехавшего из Германии после ее поражения в первой империалистической войне и ставшего в Марокко капитаном испанского иностранного легиона.

Таковы ступени военной карьеры Франко: тайный агент, второразрядный слуга пруссаков, глава бандитской шайки иностранного легиона, специалист по всем видам жестокостей колониальной войны.

Взбираясь по этим ступеням, он достигает вершины — чина генерала. Самый молодой генерал испанской армии! Но, как опытный шпион, он выжидает своего часа, не выдвигаясь на первый план; у него пока еще нет стремительности тех испанских генералов, какие внезапно обнажают шпагу на защиту своих реакционных убеждений и интересов буржуазии, представителями которой они являются: мы имеем в виду таких генералов, как Примо де Ривера, Мильян Астрай, Санхурхо...

Оставаясь в тени, Франко, тем не менее, переходит с одной должности на другую—начальник Военной академии, глава генерального штаба,—все время осторожно выполняя данные ему поручения, действуя вначале в пользу Германии, а затем уже прямо служа Гитлеру.

Но наступают критические дни. Силы фашизма разворачиваются на равнинах Испании. Приходит час Франко. Два генерала, более известные, чем он, хотят захватить в свои руки руководство борьбой против народных сил: Санхурхо и Мола. Оба погибают при таинственных обстоятельствах, очевидно, не без участия гестапо. Франко освободился от соперников. Он возглавляет массовые убийства рабочих и крестьян, и с помощью Гитлера, Муссолини, а также проводников политики т. н. «невмешательства», после длительной, жестокой и неравной борьбы, овладевает Испанией.

Теперь Франко — вожак испанских фашистов и не скрывает этого. Он сбросил маску, которую носил в прошлом.

Сторонники политики «невмешательства», «умиротворители» и реакционеры всех мастей, все те, кто помогал Франко в не меньшей степени, чем его прямые хозяева из Рима и Берлина, на короткое время успокоились.

И вот снова раздался трубный глас боя. Война продолжается — теперь уже не в Испании, а в Европе.

Кем же может быть Франко, если не слугой своих господ? Предположить иное, значило бы, как гласит испанская поговорка, «просить груш у вяза». Недаром Серрано Суньер, шурин Франко, бывший одно время министром иностранных дел, откровенно сказал: «Франко и я, а с нами фалангистская Испания не только поклялись способствовать победе Берлина, но и желали ее со всей силой наших убеждений, самых страстных и искренних».

Никто не сомневается в этом! Слишком много доказательств: «Голубая дивизия», улыбающееся лицо Франко на фотографиях, где он снят с Гитлером, посылка оружия и сырья в Германию, наконец, заявления «каудильо»: «Если нужно, мы пошлем миллион людей защищать Берлин» (какое бахвальство! Каких это людей, откуда?), «Союзники проиграли войну» (прогноз Франко накануне Сталинграда)...

Скорбью и слезами встретил Франко разгром фашизма, падение своих двух господ. Один из аргентинских фашистов, посетивший в то время Испанию, спросил Франко:

— Думаете ли вы предпринять путешествие по Европе?

Старая лисица, он ответил:

— Для меня материк кончается на Пиренеях...

Но вот прошло немного времени, и для Франко «континент» стал вновь широк. Теперь для Франко материк кончается не на Пиренеях, а на Уолл-стрите.

Змеи меняют кожу, потому что такова их природа. То же происходит со шпионами, прислужниками, лакеями, торгашами. Хозяин умер, надо искать другого!.. «На каждого мертвого короля — новый король», — говорит испанская поговорка.

Мистер Карлтон Хейс, бывший посол США в Мадриде, — один из участников той черной мессы, под звуки которой Франко менял свою гадючью кожу.

Мистер Хейс, американский сторонник Ватикана, написал книгу, озаглавленную «Миссия в Испании». Карлтон Хейс отправился на свидание с Франко в его дворец Паласио дель Пардо. Говорили, что в кабинете Франко висят портреты Гитлера, Муссолини и папы римского. Мистер Хейс, войдя, заметил лишь один портрет — папы — и прослезился: «Чего только не выдумают враги и клеветники! Этот человек не имеет ничего общего с теми двумя, которые исчезли. Это добрый католик и ничего больше...»

Все же посетитель спросил генерала:

— Правда ли, что вы поддерживали дружеские отношения с фашистскими державами?

И генерал, вспомнив фразу Кеведо, знаменитого писателя, современника Сервантеса,—«Лучше этого не затрагивать», — с предельным цинизмом ответил:

— Нет, никаких!..

Окончательно расчувствовавшийся американский посол посоветовал Франко вставить в опустевшие рамки портреты Трумэна и Бевина.

Мистер Карлтон Хейс окончил свою «миссию», сказав в Ватикане папе: «Франко—это святой» и заявив в Вашингтоне Трумэну: «Франко — наш самый верный агент в Европе...»

Хейса не интересовало ничто другое. Он «не заметил» 9.000 агентов гестапо, уцелевших в Испании, многочисленных гитлеровских преступников, фашистские отбросы со всех концов света, укрывшиеся там, немецких исследователей, работающих над созданием атомной бомбы, во главе которых стоит Герман фон Загерштадт.

Впрочем, если мистер Хейс их и увидел, то он, наверное, сказал: «Это клевета!» Одни из них, мол, служат религии, другие присутствуют на церковном конгрессе...

Портрет Гитлера исчез из кабинета Франко, как неприятный след прошлого. Но как заставить исчезнуть след собственных деяний в истории, след собственных преступлений?

Франко прилагает большие старания в этом направлении. По его уверениям выходит, что на место главного палача Испании его назначил не Гитлер, как это известно всему миру, а само провидение (все диктаторы, как мы знаем, незаконные дети провидения!)... Так Франко недавно и сказал одному репортеру. И, взглянув на портрет папы, добавил: «Я никогда не верил в победу Гитлера, потому что для бога Гитлер олицетворял собой зло...»

В кого же верит этот «сын провидения»? В тех, кто кормит его и поддерживает. Сегодня его полновластные хозяева — американские и английские империалисты.

Великая патриотка Испании Долорес Ибаррури сказала: «Испания в руках Франко подобна крапленой колоде, которую предоставили лучшему шулеру в империалистическом игорном доме и которую оспаривают друг у друга все интернациональные крупье».

Франко подобен слуге-плуту из классической испанской комедии, который идет туда, где слышит звон дукатов. Мрачный и зловещий, он замкнулся в дворце древних королей близ Мадрида, охраняемый гвардией из мавров.

Слышится стук в дверь:

— Кто здесь?

— Американские доллары!..

Франко открывает двери и устраивает для гостя пышный банкет. На этом банкете гостю подается на блюде бедное тело Испании: здесь — аэродром, там — дорожные монополии, затем темное дело о поисках нефти, какая-нибудь концессия для какой-либо компании, телефонная сеть, железные дороги...

На следующий день снова стук в дверь.

— Кто здесь?

— Английские фунты...

И для английского гостя, чтобы не обидеть его, радушный хозяин находит кусок тела Испании и подает на банкете: рудники Рио Тинто, фрукты Валенсии, вино Хереса.

Этот генерал, раздирающий Испанию на куски, палач испанского народа и друг папы, слуга того, кто платит больше, уже не мечтает, как прежде, о «голубой империи». Американское влияние сбило с него риторический флер, сделало его откровенным бизнесменом в одежде генерала. Вместе со своим семейством и своими епископами Франко совершает операции, продавая с аукциона достояние народа, богатства Испании.

Англо-американские империалисты плетут вокруг Испании паутину всевозможных махинаций. А Франко и его подручные надеются, что эта паутина, подобно бронированному куполу, сможет защитить их от всех бурь.

Но паутина — плохая броня, хотя бы она и была соткана из золотых нитей Уолл-стрита. Для испанского народа, окружившего Франко ненавистью, не страшны ни такая броня, ни укрывающиеся за ней «дети провидения», ни предатели, перешедшие под опеку американского капитала. Франко не спасут его новые империалистические хозяева. Его кровавый путь будет оборван карающей рукой победившего народа!

Сесар М. АРКОНАДА.

Факты без комментариев

ПОДЛЕЦ ПОДЛЕЦА ВИДИТ ИЗДАЛЕКА

Орган крупных газетных издательств в США «Эдитор энд паблишер» в широковещательной рекламе сообщает, что бежавший из Польши Миколайчик подписал с Херстом договор на серию статей.

Подписывать статьи будет Миколайчик, но писать их будет находящийся на службе у Херста гангстер пера Боб Консидин.

ОБМЕН ДЕЛОВЫМ ОПЫТОМ

Британская радиовещательная компания осенью 1947 года организовала серию необычных передач: перед микрофоном выступали воры, дезертиры, спекулянты и раз'ясняли технику своей профессии.

«АМЕРИКАНСКИЙ САМУРАЙ»

В недавно изданной в Японии новой школьной хрестоматии, одобренной американскими властями, можно прочесть следующие строки, адресованные неискушенным детским сердцам. «Макартур — это человек, от которого не может быть утаено ни одно событие... Каждый ребенок империи Солнца должен был бы пожертвовать хотя бы один лотос для изготовления цветочного ковра, по которому ступала бы нога генерала. Генерал Макартур — это сверхчеловеческий, бесстрашный американский самурай...»

ГЕНЕРАЛ КЛЕЙ НЕ ДРЕМЛЕТ...

Для американских войск в Европе, по сообщению «Дейли уоркер», организован курс лекций на тему о «красной опасности». Один из разделов этого курса многозначительно озаглавлен: «Правила для опознания коммунистов».

ПОМЕСЬ ПРОПОВЕДИ С ДЖАЗОМ

Предприимчивый американский священник Драйер основал корпорацию по выпуску цветных фильмов на церковные темы с тем, чтобы таким путем усилить посещение церквей. Каждый фильм рассчитан на 40 минут и представляет собой своеобразную смесь из джаза и проповеди.

Недавно в одной из церквей Лос-Анжелоса состоялась премьера первого цветного церковного фильма. Драйер намерен выпускать эти фильмы сериями и организовать их демонстрацию в тысячах протестантских церквей США.

«САМООСУЖДЕНИЕ»

Сенатор по делам денацификации в Бремене издал приказ, согласно которому каждый бывший нацист, считающий себя «менее виновным» или «попутчиком», сам вправе установить для себя размер штрафа или срок ограничения в правах. Такое «самоосуждение» — как подчеркивает немецкое агентство АДН — будет рассматриваться бременским сенатором в качестве «доказательства честного мужества». К маю 1948 года сенатор пообещал таким образом «закончить» рассмотрение 90 процентов всех дел по денацификации.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ СОБАКАМ

Члены клуба «Британского легиона» в городе Богнор Реджис постановили, что в клуб отныне допускаются женщины и собаки. Сообщая об этом, «Дейли геральд» уточняет: женщинам — членам легиона — разрешено посещать клуб лишь по субботам и воскресеньям; что касается собак, то для них беспрепятственный доступ открыт в любой день недели.

ПЬЯНЫЕ КАДРЫ

В странах Западной Европы сейчас часто устраиваются кинофестивали не только международного, но и местного значения. При этом интересы искусства весьма просто сочетаются с интересами коммерции. Так, например, в одном из французских городов, по сообщению «Синематографи франсез», был устроен фестиваль фильма и... вина. Устроители его, по их собственным словам, ставили своей задачей «содействовать развитию кино и ознакомить широкую публику с лучшими местными винами».

ПО СТОПАМ МУССОЛИНИ

Как сообщает французский еженедельник «Аксьон», итальянское правительство де Гаспери издало приказ, на основании которого всем фашистам, принимавшим участие в войне против республиканской Испании, возвращены льготы, пенсии и ордена, какими их наградил Муссолини.

«ИДЕАЛЬНЫЙ ДЕСПОТ»

Генерал Ведемейер, по возвращении из своей поездки в Китай, заявил, что Чан Кай-ши, по его мнению, является «идеальным деспотом», неоспоримой заслугой которого следует считать проявляемое им стремление «скрупулезно выполнять все обещания, данные Соединенным Штатам».

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Продажность чиновников в Бизонии достигла таких размеров, что, по сообщению специального корреспондента «Нью-Йорк геральд трибюн», во всех муниципальных учреждениях Мюнхена пришлось вывесить на видном месте следующее об'явление: «Всякая попытка подкупить должностных лиц приведет к судебному преследованию».

Лондонские будни

ПИСЬМО ИЗ АНГЛИИ

Лицо Лондона определяют сейчас в большей степени, чем когда-либо, социальные контрасты. Контрасты между роскошными, аристократическими кварталами, между Риджент-парком, Грин-парком и хмурым, мрачным, трудовым Ист-эндом, где сплошь и рядом встречаешь оборванных, грязных и бледных людей, подавленных тяжелым трудом и беспросветной нуждой.

По утрам, еще до наступления рассвета, по улицам Ист-энда движутся к центру непрерывным потоком огромные двухэтажные автобусы. Но они совершенно пусты, так как обитатели Ист-энда предпочитают отправляться на работу пешком: надо экономить каждый пенс.

Рабочие в комбинезонах и поношенных шляпах идут, медленно попыхивая трубками и на ходу перебрасываясь друг с другом отрывистыми фразами. Женщины и ребятишки спешат стать в очереди, уже с самого раннего утра выстраивающиеся у продовольственных магазинов.

Рабочие делятся между собой новостями и табаком. Особенно оживленно обсуждается вопрос о том, что Советский Союз согласился предоставить Англии некоторое количество хлеба.

— Это хорошо, — говорят рабочие, — русский хлеб нам значительно нужнее американских долларов...

«Договориться с Россией» — таково искреннее желание очень многих рабочих Ист-энда, которые до сих пор не без гордости называют себя «однополчанами русских». В ноябре рабочие многих предприятий требовали от лейбористского правительства возобновления торговых переговоров с Советским Союзом.

«Нищета уничтожает юмор», — утверждает английская поговорка. Здесь, в Ист-энде, нищета не только мешает беззаботно шутить, но и пробуждает все более острое недовольство. Трудящиеся требуют повышения зарплаты, снижения непомерных цен на продукты и промтовары, улучшения жилищных условий.

Ист-энд угрюм, озабочен, мрачен. Но и на обрюзгшем лице аристократического Вест-энда весьма явственно видны следы забот, тревог и слабая тень угасающих надежд, связанных с заокеанской державой, куда уходят из лондонского порта корабли с последним английским золотом.

Когда садишься в Ист-энде в метро и выходишь где-нибудь на Пикадилли-серкут или на Риджент-стрит, кажется, что попал в какую-то другую страну. Здесь и пейзаж иной, и нравы другие.

На смену автобусам появились такси, напоминающие закрытые кареты времен французского абсолютизма. Эти странные моторизованные кареты вполне гармонируют с ампирными строениями на Риджент-стрит, воздвигнутыми в прошлом столетии известным английским архитектором Дж. Нэшем. Здания еще хранят следы обильной маскировочной окраски военных лет.

Домов, разрушенных вражескими «Фау-2», здесь мало, а каждое разрушенное строение наглухо закрыто крикливыми, многокрасочными рекламами голливудских кинофильмов; и все же трудно отделаться от того невеселого впечатления, какое оставляет сейчас деловая часть Вест-энда. Это впечатление еще больше усиливается многочисленными памятниками королей и лордов весьма воинственного вида—на коне и с обнаженной шпагой.

Единственным «ярким пятном» являются, пожалуй, витрины универсальных магазинов Оксфорд-стрит, содержимое которых сейчас малодоступно потребителям из-за весьма суровой системы нормирования всех промтоваров.

Приведем такой пример. Одна известная парижская актриса во время гастролей в Лондоне получила приглашение на свадьбу принцессы Елизаветы в Букингэмский дворец. К немалому удивлению лондонского «высшего света», актриса на другой день после получения приглашения... срочно вылетела в Париж. В беседе с корреспондентом газеты «Дейли миррор» она сообщила, что отправляется в Париж для того, чтобы приобрести себе подходящий туалет из английской шерсти. В Лондоне сделать это на полученные ею в министерстве иностранных дел двенадцать промтоварных купонов актриса не смогла, так как их хватило только на две пары найлоновых чулок и бюстгальтер...

Разумеется, речь идет о своеобразной демонстрации, ибо в Лондоне существует черный рынок, где можно купить все, что угодно, заплатив втридорога.

Нам пришлось как-то в воскресный день заглянуть в излюбленный веселящимися обывателями Вест-энда ресторан-люкс «Гайд Парк Корнер». Играл джаз, танцовали пары в вечерних туалетах, и на первый взгляд было даже трудно заметить какие-либо перемены в быту завсегдатаев этого ресторана. Однако нам подали обед без хлеба, об'яснив это тем, что в английских ресторанах уже давно введено «право выбора»—либо пятьдесят граммов хлеба к обеду, либо третье блюдо.

Другой особенностью этого обеда были некоторые детали сервировки; одна чайная ложечка на четырех человек. Мы выразили удивление, и нам почти с негодованием ответили, что Англия, видите ли, вела войну, и потому ей некогда было изготовлять какие-то там чайные ложечки. Мы так и не осмелились спросить, почему все же индустриальная Англия за два послевоенных года не успела еще привести в порядок даже свое ресторанное хозяйство.

Мы видели, как голодные в Ист-энде ищут хлеба, в то время как сытые в Вест-энде ищут хорошего аппетита и веселья. Правда, в этой части Лондона некоторые подозрительно увлекаются игрой в бедность, а иногда веселье ставят на коммерческую ногу, лишь бы заполучить лишний американский доллар. Рассказывают, как во время дипломатического приема у одной высокопоставленной британской официальной особы меню состояло из двух сортов бутербродов, и хозяин просил гостей, сославшись на строгое нормирование продуктов, довольствоваться только одним бутербродом.

Неудивительно, что именно здесь, в кварталах Вест-энда, вокруг свадьбы в Букингэмском дворце был поднят оглушительный шум. Наиболее пикантным, однако, нам кажется то, что принцесса Елизавета, как в течение месяца наперебой сообщали лондонские газеты, предполагает отправиться в 1948 году в путешествие по Америке, где она намерена за высокую плату публично демонстрировать свое свадебное платье. Не сомневаемся, что министр финансов мистер Криппс уже внес в бюджет Англии эту доходную статью!

Своеобразной реакцией на всю эту шумиху и стремление магнатов Уолл-стрита превратить Англию «в 49-й штат США» (сердитое выражение престарелого Бернарда Шоу) явилась постановка одного из второстепенных театров Лондона, где Колумб называется преступником и предается суду за открытие Америки.

Эта «страшная месть» отнюдь не служит препятствием к тому, чтобы в кинотеатрах и книжных лавках Лондона все больше и больше устанавливалось американское засилье. Так, из 30 фильмов, демонстрировавшихся в центральных кинотеатрах Лондона в первых числах декабря, 28 были американские и только два — английские. Книжные магазины на Оксфорд-стрит переполнены американскими изданиями, большей частью бульварно-приключенческой макулатурой и такой антисоветской стряпней, как книги Бирнса и Дина. В магазине можно найти также записки американского «философа» Х. Л. Менкена, этого современного «классика цинизма», стяжавшего себе в последнее время лавры следующим заявлением:

«Я выступаю за войну и желаю, чтобы она быстрей началась!.. Страна любит войну... Посмотрите на жен солдат, — как замечательно они проводили время, когда их мужей не было дома. Безусловно, некоторые погибнут, но немало гибнет ротозеев и от автомобильных катастроф».

Этот «философ» имеет много последователей в Вест-энде, которые и сами иногда пишут весьма циничные трактаты. На такого рода «любителей откровенной философии», как их с подозрительной вежливостью называют консервативные газеты, и делает ставку английский преемник Гитлера — Мосли, обнаглевший настолько, что организует демонстрации с участием бывших немецких офицеров-эсэсовцев.

Своеобразным «аккомпанементом» к этим демонстрациям явились взрывы на экспериментальной станции по испытанию новых видов вооружения, в результате которых погиб известный немецкий конструктор летающих снарядов Шмидт, вывезенный англичанами из Германии в качестве «трофея». Министерство внутренних дел оказалось вынужденным запретить освещение в прессе всего того, что случилось на станции, размещенной в подземном военном заводе. Нетрудно понять, что оно поступило так, опасаясь не жителей Вест-энда, одобряющих гонку вооружений и внешнюю политику Бевина, а трудового люда Ист-энда и всей промышленной Англии, испытывающего на собственной спине плоды предательской политики лейбористского правительства.

И. ОРЛОВ.

Лука ПАЛАМАРЧУК

В заокеанских джунглях

Украинский буржуазный национализм запятнал себя вечным позором предательства. Его идеолог М. Грушевский обосновывал требования национализма историческими «концепциями», состряпанными под немецкую диктовку. Митрополит в католической мантии А. Шептицкий давал своим националистическим чадам духовные наставления с амвона: «Где нужно, действуйте молитвой, а где — рубите мечом!» Д. Донцов упражнялся в теоретических «обоснованиях» предательства и измены. Евгений Коновалец и его подручные, Степан Бандера и Андрей Мельник, соединяли «идеи» апостолов национализма с бандитской практикой Гиммлера.

Выброшенные украинским народом опереточные «премьеры», «атаманы», «гетманы» усердно пытались заложить Украину под английские, американские, немецкие векселя, бойко торговали обширными украинскими землями, как будто Советская Украина лежала у них в кармане.

Большие надежды они возлагали на Гитлера, думая, что если Вильгельм II и Юзеф Пилсудский не смогли, то Гитлер сможет надеть на Украину кованное немецким молотом железное «самостійное» ярмо. Но это не мешало им еще до появления Гитлера кивать в сторону Англии и Америки. Их вполне устраивала «самостійна Україна» в пасти британского льва или в долларовом мешке, с веревкой на шее. Об этом-то в свое время усердно хлопотал митрополит Шептицкий.

Отбыв в 1922 году в страны Западной Европы и Нового Света якобы для утверждения в вере украинцев, заброшенных в далекие края, смиренный служитель церкви из Львова занимался вовсе не спасением душ своей паствы: Шептицкий устанавливал непосредственный контакт с вдохновителями интервенции против Советского Союза, недвусмысленно намекая на то, что «истинные украинские патриоты» готовы кому угодно уплатить бориславской нефтью, да и всей Украиной, лишь бы красное знамя Советского Союза не тревожило их взоров. Львовские националистические круги захлебывались от восторга; они узнали, что в Лондоне Шептицкий нашел «симпатиков» националистической идее и что они в ближайшее время—как об этом писали Петрушевич и Левицкий—на «свои собственные средства издадут брошюру с призывом признать самостоятельность Западной Галиции и что большие услуги оказывают нам известные Черчилль и леди Дебуалье».

Националистические верховоды всегда страдали влечением к пустобрёхству и опереточным постановкам в стиле петлюровской директории, пышно именовавшей себя «верховным правительством Украины», хотя вся территория директории умещалась... под вагоном, о чем украинский народ сложил едкую поговорку: «У вагоні директорія, а під вагоном територія».

На сей раз националисты имели некоторые основания восторгаться. В Лондоне к миссии Шептицкого действительно отнеслись благосклонно и сочувственно. Но в своей поездке оруженосец Ватикана представлял и немецкие интересы: митрополит должен был вдохновить будущих членов фашистской пятой колонны в Канаде и США, созданной позже Евгением Коновальцем по заданию немецкой разведки.

Обращал взоры за океан и духовный отец украинского национализма Грушевский. Социологический институт в Вене, возглавляемый им, был центром пропаганды украинского буржуазного национализма. В 1921 году, за три года до возвращения на Украину, Грушевский писал Кузову, агенту по распространению националистической литературы среди украинской эмиграции в США, предупреждая его, что все, что он пишет, — «не для печати и поделиться можно лишь с очень верными людьми».

«Начать надо,—поучал Грушевский,—с миссии на Украину, «без шума и крика», не под специальной украинской, а под общей маркой помощи детям и т. п., осесть в двух-трех местах, заложить небольшие бурсы, подковать молодежь и затем отбирать из нее проверенных и посылать в Америку в семинарии для окончания воспитания... Из эмиграции выбирать кандидатов в проповедники нельзя, так как они для расходования долларов элемент неподходящий. Но если бы захотели одного-двух, я бы вам подыскал с Большой Украины, которые поехали бы к вам в науку. Мне лично вмешиваться в эти дела теперь нельзя. Но когда я поеду на Украину, то с радостью буду помогать в чем только можно».

Митрополита и историка мы видим в одной упряжке: оба засылали в среду украинской эмиграции США и Канады петлюровских наймитов.

Заявление Гитлера о том, что целью его жизни является уничтожение Советского Союза, вызвало ликование среди украинских националистов. Д. Донцов писал: «Гитлер ищет выхода для Германии на русском Востоке. Только там он стремится разрешить диспропорцию между численностью населения Германии и пространством. Мы должны стать на сторону новой Европы».

Когда банды Степана Бандеры и Андрея Мельника четвертовали свои жертвы и на могилах скрепляли холопскую верность фашизму, их делам рукоплескали за океаном, их поддерживали украинские националисты Канады и США, им ободряюще протягивали руку высокопоставленные правительственные лица США. Эти кровавые провинциальные комедианты всерьез претендовали на место в истории!

В начале второй мировой войны националистические группки в Канаде, враждовавшие между собой из-за того, например, какая из них имеет право первой в'ехать в Киев, неожиданно об'единились в единую фашистскую организацию КУК (Комитет украинцев Канады). В «фюреры» возвели Василя Коппира, служившего одному господину в трех лицах: англо-американской реакции, Пию XII и Гитлеру.

Создание националистического штаба, в который входили и такие прожженные канадские нацисты, как проф. К. Киркконелл и член палаты общин адвокат Торсон, было задумано с целью координации деятельности гитлеровской агентуры против растущего прогрессивного движения украинцев в Канаде. Проф. Киркконелл заявил, что в основу деятельности КУК следует положить «методы и политическую философию Адольфа Гитлера». А националистический листок «Новий шлях» не менее откровенно писал: «Советский Союз—наш враг, Германия — друг. Для канадских украинцев остается один выбор».

Их выбор понятен.

Прогрессивные украинцы в США и Канаде перед войной и во время войны засвидетельствовали верность демократии своими делами. Украинское прогрессивное движение, как часть общего боевого лагеря демократии — достаточно приметная величина на карте политической жизни Канады. Не потому ли реакция делала и делает попытки зажать это прогрессивное движение в тиски?

В 1940 году канадские реакционеры вместе с украинскими гитлеровцами пришли к решению, что настало время нанести украинскому прогрессивному движению сокрушительный удар.

Последовали массовые аресты. Руководителей прогрессивной ассоциации «Український робітничо-фармерський дім» бросили в концентрационный лагерь. Канадское правосудие, ополчившееся на истинных патриотов Канады, охраняло в то же время националистические джунгли, отдав на разграбление националистам клубы и библиотеки, принадлежащие прогрессивным организациям.

Антисоветская брань Черчилля пришлась по вкусу украинским гитлеровцам; они смекнули, что украинские националисты еще могут показать себя на «мокрых делах» в качестве подручных при поджигателях войны.

Редактор газеты «Украинский голос» М. Стечишин пугает своих противников в Канаде новой войной, которая якобы надвигается со стороны Сибири, и даже устанавливает дату ее начала.

Ему вторят петлюровцы в Соединенных Штатах. Они ратуют за третью войну, которая, по их мнению, должна исправить ошибку минувшей войны и даровать Европе «самостійну Україну» — теперь уже под эгидой Уолл-стрита.

Все это не ново!

Гитлеровские наемники из числа украинско-немецких националистов, чьи руки обагрены кровью советских людей, устремляются в Канаду.

Зачем же Канада дает приют людям из банд Бандеры и Мельника, виновникам войны, палачам народа? Не затем ли, чтобы оживить политический труп КУК'а? Не затем ли, чтобы поддержать националистических верховодов, скомпрометировавших себя связями с Гитлером?

Одна из заповедей украинского национализма гласит: «Все, что вас выносит наверх, — морально. Все, что не выносит,—не морально». Согласно этой «морали», злодеяния, совершенные бандами украинско-немецких националистов на Украине, поднимают их на гребень жизни и потому «моральны». Ползание на брюхе вокруг золотой мошны Уолл-стрита, вопли о необходимости третьей мировой войны—тоже «моральны» для этих политических мертвецов.

Но следует сказать искренним друзьям Советской Украины за океаном:

— Берегитесь! Мертвецы опасны ядом своего разложения!

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. СУРИКОВА

24 января исполняется сто лет со дня рождения великого русского художника В. И. Сурикова. На снимках, публикуемых впервые (слева направо): этюд головы стрельца (к картине «Утро стрелецкой казни»), этюд головы гребца (к картине «Разин») и этюд головы женщины (к картине «Городок»). Фоторепродукция Е. Тиханова.

Литературные дискуссии

У заводских ворот

Вера СМИРНОВА

Продолжаем обсуждение романа В. Пановой «Кружилиха»

«Как определить пропорции, когда нет пространственного представления о вещи?» — спрашивает себя героиня «Кружилихи», конструктор Нонна Сергеевна, мучаясь над чертежом «приспособления», которое ей поручили сделать для завода.

Как судить о героях романа, об их взаимоотношениях, поступках и качествах, об их новизне и правдивости изображения, когда роман не рассматривается в целом — в движении, во времени, в том пути, которым писатель идет к задуманной цели?

В том, что написано о «Кружилихе» критиками в «Литературной газете», независимо от того, осуждают они роман или берут под защиту, есть, на мой взгляд, одна общая ошибка. А. Ивич пишет: «Панова не вылущивает людей из жизни, как из скорлупы», а сама проделывает с героями романа нечто подобное. Роман, в сущности, остался неразобранным, от всех четырех статей остается впечатление недоказанности, авторы невольно или преднамеренно отрывают героев от романа, выхватывают из него отдельные лица, явления, даже слова. И совсем уже неубедительным кажется утверждение А. Тарасенкова, будто сила нового романа Пановой в том, что «идея морально-политического единства народа воплощена в романе на материале индустриального труда, опоэтизированного автором». Нам кажется, что это вдвойне неправильно — и по форме (так нельзя сказать по-русски), и по содержанию — неверно для характеристики романа.

Обвиняя других товарищей в том, что они «не увидели главного» в романе Пановой, Тарасенков увидел там то, чего нет. Критик правильно почувствовал, что должно было и могло быть главным. Но, к сожалению, этого главного нет в романе,— и оттого путаница в оценках и в пропорциях, и оттого неудача произведения.

Попробуем же понять, что такое «Кружилиха».

Удача «Спутников», их общепризнанный успех одновременно и облегчили и затруднили дальнейшую работу писателя.

Несомненно, В. Панова хорошо знает, в чем она сильна. Ее своеобразное дарование, я бы сказала—«актерское» дарование, заключается в удивительном умении «влезть» в человека, говорить его голосом, показать его изнутри, «сыграть» его. Форма выражения для нее — всегда либо монолог, либо диалог, где она играет за двоих; пейзаж, обстановка — только ремарки, лирические ремарки автора. Непрерывная трансформация, переход из одной роли в другую не создают впечатления разорванности, дробности только благодаря исключительному чувству ритма. В «Спутниках» нас пленяет подчинение всех действий, мыслей, чувств героев повествования единому ритму стремительного безостановочного движения — это и движение поезда, и бег времени, и ход войны, и общее стремление к победе, и судьбы людей, слившиеся в одну общую судьбу страны. Образ нового общества, образ коллектива советских людей, воюющих за общее счастье, — вот что удалось Пановой показать нам в своем мчащемся вперед днем и ночью санитарном поезде. Личное горе, невзгоды, все сомнения и все трудности бледнели перед той радостью, какую давало каждому участие в одном общем, единственно важном и благородном деле — в работе на победу. Но вот окончилась война, санитарный поезд остановился и опустел, и работники его сошли на землю. Невеселым вышло у Пановой это «приземление» потому, что распался маленький коллектив, и рука каждого вдруг потеряла руку товарища.

В конце концов, пришлось расстаться со «спутниками» и автору. «Спутники» пошли в жизнь, вернулись в жизнь, а писателю надо было думать о новой книге. Поиски другого товарищества привели писателя к большому заводу. Это был сознательный, вполне обдуманный шаг.

«Кружилиха» — так называется завод, и то же название присвоено роману. Роман начинается рассветом и первым утренним заводским гудком, сзывающим людей на работу. «Народ спешит к заводу— и приливает, приливает, приливает толпами к проходным. Тулупы, ватники, кожанки, шинели, штатские пальто, меховые шубки. Платки, ушанки, шлемы-буденновки, вязаные шапки. Мужчины и женщины, брюнеты и блондины, высокие и малорослые, веселые и печальные, озорные и скромные, — десять тысяч людей добрых всякого роду-племени сошлось на завод на дневную смену... Протекли, разлились по цехам людские потоки. Только охрана осталась в проходных. Смена началась».

Что же мы остановились у входа, читатель? Почему не идем за этими тысячами рабочих? Где наш вожатый — писатель? Мы хотим видеть завод, хотим знать, что делается на заводе, хотим видеть, как работают наши люди. Нам было это обещано, нас поманили этим.

В. Панова, тем не менее, отступила сразу же перед великой трудностью, она не отважилась показать читателю завод, не вошла вместе с первой дневной сменой, отстала от людей, — пошла в обход: по квартирам, по рабочему поселку, собирая по крохам то, что не решилась узнать и полюбить целиком. Словно заколдованный, стоит перед нею завод, непроницаемый для ее художнического глаза. Она видит людей, больших и малых работников завода, видит, что они влюблены в свой завод, в то значительное и интересное, что происходит на заводе, она жадно прислушивается к обрывкам их профессиональных разговоров, она робко появляется у конвейера около Лиды Ереминой, любуясь ее руками, ее чувством ритма, ее увлечением работой, даже ее капризами. Панова восхищается Листопадом и главным конструктором, она, как Маргарита Валерьяновна, ходит на цыпочках около них, когда они священнодействуют над чертежами и планами. Но она не умеет внятно передать их речи и мысли, когда они говорят и думают о заводе, она не пытается даже толково рассказать, что же выпускает Кружилиха, над чем трудятся десять тысяч людей добрых. Все, что делали «спутники» в санитарном поезде, Панова понимала, знала, умела делать сама, все там было ей мило. Но она не могла заставить себя полюбить завод. Только раз она прошла с Листопадом по всему заводу, вместе с матерью Листопада, как гостья, и, в качестве гостьи, «чтобы не огорчать его, постояла, посмотрела, как движутся части черной машины, лоснящейся от масла, и как время от времени падает в желобок маленькая металлическая вороночка...»

Это незнание «материала индустриального труда» и нелюбовь к нему (потому что отсутствие любви у писателя, такого искреннего, как Панова, непременно обращается в нелюбовь) и являются, по моему глубокому убеждению, причиной всех крупных и мелких ошибок романа.

Беда не в формальном повторении «структуры» романа, как думает А. Ивич, а в отсутствии того самого главного, на чем этот роман должен был бы строиться, что единственно и могло определить его композицию. Заводской коллектив — это не соседи по квартире, это люди, делающие одно большое, общее и дорогое для всех дело. Вне завода нельзя до конца понять тех, кто на нем работает.

Тема Пановой в обеих ее книгах—трудное счастье человека наших дней. Намерения ее ясны: она хочет устроить счастливую жизнь своим подопечным «людям добрым», работающим на Кружилихе. Она знает заранее, что они отдают лучшие силы заводу, и считает поэтому, что ей нечего заботиться о заводе. Но вот их личный быт, их семейная жизнь, их любовные дела, их личная культура тревожат ее, — здесь очень много неполадок. И она начинает распутывать сложный, как ей кажется, клубок человеческих взаимоотношений.

Как в старой андерсеновской сказке «Калоши счастья», автор путешествует по сердцам. Он является перед нами последовательно в облике разных людей с Кружилихи. Вот Листопад—директор завода, вот главный конструктор и жена его, вот старый рабочий Веденеев, его дочь—стахановка, ее муж — демобилизованный солдат и «новобранец» на заводе, председатель завкома Узечкин и Толька—подросток, заводской ученик, вот конструктор Нонна Сергеевна, парторг Рябухин, секретарь директора Анна Ивановна, жена директора Клаша, директорский шофер Мирзоев, мать директора Настасья Ильинична, директорская уборщица Домаха. Уже это перечисление показывает, что главным действующим лицом в романе является Листопад. Он —как солнце в системе Кружилихи; все остальные образы показаны в связи с ним. Те же, чья жизнь никак не увязывается с Листопадом, очень быстро уходят из романа — например, Павел Веденеев, уезжающий через две страницы после своего появления в доме Веденеевых, как бедная Клаша, которая не умела найти свое место в жизни, хотела быть только милой и любящей женой и была явно не пара Листопаду. Клашины заветные тетрадки, принятые почти всеми критиками как свидетельство обвинения против Листопада, на самом деле — приговор тому старому типу женщины, слабой, безличной, одинокой и страдающей, какая уже не вызывает в нас сочувствия, а только снисходительную жалость. «Ах, бедная моя девочка!»—говорит секретарша Листопада и не дает ему читать жалобные дневники Клавы: незачем Листопаду их читать. И вправь — незачем. Они ничего ему не откроют, ничему не научат. Он ведь знает Клашу, хотя и мало с ней разговаривал. Напрасно критик В. Гоффеншефер нападает на Листопада за то, что он, «занятый делами завода, не мог уделить ей ни одного дня». Разве не ясно, что женщина, которая способна только ждать, когда ей кто-то «уделит» счастье, не годится в подруги Листопаду. В. Гоффеншеферу недаром приходится не очень добросовестно пользоваться цитатами, чтобы уязвить Листопада. Критик с негодованием приводит фразу: «Кончай, Клаша, эту музыку, — сказал Листопад об ее учебе, когда они поженились». Но критик забывает, что шестью строками выше написано: «Листопад особо присматривался к практикантам. Из Клавдии — он это сразу увидел — никогда инженера не получится». И непосредственно после этой фразы говорится прямо, что «Клавдии очень надоело в институте, но бросить его она стеснялась: она думала, что ее осудят...» Право же, Листопад дальновиднее Гоффеншефера.

Но дело не в этом. У нас совсем иные претензии к Листопаду. «Просто такой характер», — говорит о нем сама Клавдия. Нам даже нравится такой характер—прямой, целеустремленный, упорный и свободный. Очень хорошо о нем говорит секретарь горкома: «...одни работают, жертвуя чем-то своим личным, долг выполняют... А такие, как Листопад, ничем не жертвуют, они за собой и долга-то не числят, они о долге и не думают, они со своей работой слиты органически, чуть ли не физически... для других пятилетний план завода, а для него — пятилетие его собственной жизни, его судьба, его кровный интерес...» Но если это так, то почему же нам Панова показала не этого талантливого, страстного, умного и умелого хозяина завода, который нам интереснее всего, а просто сильного, здорового, веселого человека, уверенного в себе, знающего свою силу, любящего людей сильных, красивых и здоровых, — человека, которому противопоказано страдание. И когда во второй части читатель начинает понимать, что все усилия автора направлены к тому, чтобы дать Листопаду новую «умную подругу»,— то кажется, что для этой тысяча первой любовной истории не надо было, не стоило тревожить мир мощным гудком Кружилихи. Жизнь, судьбу, историю завода нам подменили частной жизнью, личной судьбой одного человека, Кружилиху подменили Листопадом. А Листопад показан очень ограниченно и мелко, не в основном и главном, не в борьбе за выполнение плана, не в послевоенной перестройке завода, не в заботах о десяти тысячах людей, работающих на Кружилихе, а в нелепом, детском «конфликте» с Узечкиным и в несколько стремительном романе с Нонной. Этот подвижной, деятельный человек занимается какими-то «боковыми», случайными, мелкими задачами. Что делает этот директор крупного завода? Осматривает юнгородок, два раза неизвестно зачем ездит в командировку, присутствует на совещании городского партактива, дразнит Узечкина и провожает домой конструктора Нонну Сергеевну? Маловато.

Оторваны от завода и другие персонажи романа. И потому кажется, что они беспомощно толкутся на одном месте и часто мешают друг другу. И, право, их не хочется принимать за тех представителей нового советского общества, за которых их выдает Панова. Наоборот, они напоминают нам черты прошлого. Узечкин, например, которого на первых страницах принимаешь с симпатией, видя, как он, «невзирая на лица», выступает против Листопада, но потом он раздражает своей мелочностью, беспомощностью, ограниченностью, а «стирка» и история с пропажей профсоюзных денег кажутся просто нелепостью, нарочитым самомучительством жалкого, задавленного бытом человечка.

Обманывает нас и Нонна Сергеевна, которой дана роль новой советской женщины, «умной подруги» коммуниста. Мы готовы поверить ей в те немногие моменты, когда видим ее на заводе: когда ей стыдно за первую свою конструкцию, не принятую рабочими, когда она сопровождает главного конструктора в цехах. Но когда она решает покорить Листопада, особенно же, когда она, придя к нему, «как на праздник», и застав у него главного конструктора, уходит одна, блуждает в метели, заболевает, и вот мы уже видим Листопада у ее постели, как в «классической» сентиментальной повести, — нам просто становится неловко за автора. Не поза ли — вся предыдущая жизнь и деятельность этой женщины с замашками «ахматовской» героини? Не естественней ли было остаться, порадоваться вместе с Листопадом возвращению на завод главного конструктора? Нет, личное побеждает, и нам уже не верится, что Нонне всего тридцать лет, что она воспитана советской эпохой, что она и есть новая советская женщина.

Советская литература замечательна прежде всего тем, что она показывает миру людей социалистического общества, людей свободного труда. Мировая литература до нас не знала таких героев.

В своей новой книге В. Панова хотела рассказать о людях советской промышленности, но она подчеркивает в них не черты нового, которые читателю интереснее всего, а то, что в них осталось от старого. Герои «Кружилихи» сходны с подлинными людьми нашей промышленности в мелочах, а не в главном. Поэтому они кажутся нам недостоверными, обедненными, не типическими. И в этом неудача романа.

А. Н. Веселовский подлинный и приукрашенный

Михаил КУЗНЕЦОВ

А. Н. Веселовский — ученый не такого уже далекого прошлого, он умер в 1906 году. Еще и сейчас есть литературоведы, учившиеся непосредственно у него, а влияние работ Веселовского сказалось на многих трудах современных исследователей.

Веселовский был на голову выше зарубежных буржуазных историков литературы и являлся последним крупнейшим представителем русского буржуазного литературоведения. Обладая исключительной одаренностью, первоклассным талантом исследователя, поразительной образованностью и эрудицией, он чрезвычайно расширил круг вопросов, изучаемых не только русским, но и мировым литературоведением, поставил и попытался разрешить ряд интереснейших и сложнейших проблем, связанных и с историей литературы и с происхождением искусства.

Но, говоря о Веселовском, нельзя забывать о противоречивости его мировоззрения. Временами (впрочем, далеко не так часто, как представляют это его последователи) ученый становился на стихийно-материалистические позиции и высказывал ценные догадки и предположения.

В статьях и комментариях советских литературоведов к современным изданиям Веселовского, а также в посвященных ему отдельных исследованиях обычно скороговоркой сообщалось о теоретических пороках ученого и, наоборот, не жалелось красок для расписывания его заслуг. Веселовскому придавался «околомарксистский» вид. Так обстояло дело в статьях и работах акад. В. Шишмарева, проф. В. Жирмунского, доц. А. Соколова, проф. В. Проппа. и др.

Спор о Веселовском теснейшим образом связан с важнейшей политической задачей сегодняшнего дня — борьбой с низкопоклонством перед буржуазным Западом. Является ли действительно концепция Веселовского теоретической базой для всякого рода лженаучных теориек о несамостоятельности нашей культуры или не является — вот в чем сущность вопроса.

Современные апологеты и последователи А. Н. Веселовского всеми способами стараются выдать его за шестидесятника, за последователя русских революционных демократов. Но доводы, приводимые ими, весьма шатки. Разве можно всерьез считаться с тем, например, что в речи на похоронах А. Пыпина у Веселовского прозвучала нотка сочувствия разночинцам? Или усмотреть в расплывчатой либеральной фразе Веселовского — «народу надо предоставить действовать самому» — влияние Чернышевского? Даже тот факт, что в официальной автобиографии Веселовский упомянул в числе своих учителей Герцена и Фейербаха, тоже не может быть признан серьезным доводом. Человека судят не по тому, что он говорит сам о себе, но по его делам, а в применении к ученому — по его работам. Если мы обратимся к работам Веселовского, то найдем в них очень мало родственного идеям Чернышевского и Добролюбова.

Нельзя сказать, что этого влияния Веселовский не ощутил вовсе. В ранних его высказываниях начала 60-х годов можно встретить прогрессивные мысли о влиянии экономических условий на историю общества и искусства, о создании социальной истории литературы и т. д. Но, во-первых, программа, намечавшаяся им в юности, так и не была осуществлена, а, во-вторых, и эти отрывочные высказывания еще очень далеки от идей революционных демократов. Так же далеко от позиций революционных демократов его понимание народности искусства. Веселовский не видел в поэзии отражения коренных интересов и чаяний трудящихся, их борьбы за лучшее будущее, не видел в этом критерия художественной ценности произведения. Он понимал народность, как указывалось в статье проф. Н. Глаголева («Октябрь» № 12, 1947), лишь в бытовом, этнографическом плане.

Все прогрессивные тенденции Веселовского (а они у него были, его нельзя зачислять в лагерь реакции) все же не выходили за рамки буржуазного либерализма.

Добролюбов умер до начала научной деятельности Веселовского, Чернышевский был сослан на каторгу — оба они не могли оставить нам никаких оценок деятельности этого ученого. Но был еще один великий русский революционный демократ, на глазах которого развивалась деятельность Веселовского, — Салтыков-Щедрин. И он оставил нам в высшей степени характерное свидетельство.

В «Дневнике провинциала», где великий сатирик с убийственной иронией разоблачает российских либералов «пенкоснимателей», есть одна примечательная оценка. В редакции «Старейшей Всероссийской Пенкоснимательницы» собрались либералы. В одной группе распинается некий Неуважай-Корыто (это В. Стасов, сводивший в своих работах русский эпос к сплошным иноземным заимствованиям). Он доказывает собравшимся, что русский Чурилка—это швабский дворянин Чуриль:

«— Не только полагаю, но совершенно определительно утверждаю, — об'яснял между тем Неуважай-Корыто, — что Чуриль, а не Чурилка, был не кто иной, как швабский дворянин VII столетия. Я, батюшка, пол-Европы из'ездил, покуда наконец в королевской мюнхенской библиотеке нашел рукопись, относящуюся к VII столетию, под названием: «Похождения знаменитого и доблестного швабского дворянина Чуриля»... Ба! Да это наш Чурилка! — сейчас же блеснула у меня мысль... И поверите ли, я целую ночь после этого был в бреду!

— Понятное дело. Но Добрыня... Илья Муромец... Ведь они наши?

...Неуважай-Корыто с суровой непреклонностью положил конец колебаниям, «ни в каком случае не достойным науки».

— Напротив того, — отозвался он совершенно ясно:—я положительно утверждаю, что и Добрыня, и Илья Муромец—все это были не более, как сподвижники датчанина Канута!

— Но Владимир Красное Солнышко?

— Он-то самый Канут и есть!

В группе раздался общий вздох».

В другой группе на этом же сборище ораторствует некий Болиголова (здесь Щедрин имеет в виду Веселовского). Болиголова сообщает изумленной публике о своем открытии — оказывается, песенка «Чижик, чижик! где ты был?» — тоже заимствована.

«— Ужели же наконец и «Чижик, чижик! где ты был?» — изумлялись окружающие пенкосниматели.

— Подлог-с!

— Позвольте-с! Но каким же образом вы об'ясните стих «На Фонтанке воду пил»? Фонтанка — ведь это наконец... наконец, я вам должен сказать, что наш почтеннейший Иван Семенович живет на Фонтанке!

— И пьет оттуда воду!—сострил кто-то.

— Подлог! подлог! и подлог-с! В мавританском подлиннике именно сказано: «на Гвадалквивире воду пил». Всю Европу, батюшка, из'ездил, чтобы убедиться в этом!

— Это удивительно! Но как вам пришло на мысль усомниться в подлинности «Чижика»?

— Ну, уж это, батюшка, специальность моя такова!»

Интересно, что незадолго до появления «Дневника провинциала» Веселовский выступил со своей докторской диссертацией «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе», построенной в основном на принципах теории заимствования.

Конечно, Болиголова не является точным фотографическим портретом Веселовского. Это—собирательный образ. Сатира Щедрина направлена против самого духа тех исследований, которыми занимался Веселовский. Характерно при этом резко-отрицательное отношение Щедрина к теории заимствования, столь популярной в буржуазно-либеральном литературоведении.

Русские революционные демократы были материалистами, их развитие шло к марксизму. Веселовский же пришел не к марксизму, а к позитивизму, ублюдочной философии буржуазии периода ее упадка. Позитивизм никогда не имел ничего общего с материализмом, ибо это не что иное, как маскирующийся идеализм. Веселовский жил в то время, когда марксизм начал свое победное шествие в России, когда назревала революция. В эти годы Ленин завершил идейный разгром народничества. Веселовский прошел мимо этих величайших событий.

Нет, не в идеях революционных демократов надо искать ключ к мировоззрению Веселовского. По своим политическим взглядам он не ушел дальше буржуазного либерализма. Его философией был позитивизм (т. е., по сути, идеализм), к истории он подходил, как эволюционист (т. е. как метафизик), на его работах лежит печать буржуазного об'ективизма, не способного проникнуть в самое существо явлений. Всем этим и определялась литературоведческая концепция А. Н. Веселовского. Ее основные пороки в общих чертах уже отмечались в статьях Л. Плоткина, Н. Глаголева, В. Кирпотина и др.

Веселовский пытался связать развитие поэзии с развитием общества, и это его намерение приводило подчас к заслуживающим внимания выводам. Однако все его определения имеют чересчур общий, туманный, расплывчатый характер. Признавая в общей, отвлеченной форме, что всякое произведение несет печать своего общества, Веселовский даже не пытается коснуться важнейшей проблемы — обратного воздействия искусства на жизнь. Этого вопроса для него как бы вовсе не существует. А ведь без решения этой проблемы мы никогда не поймем литературного процесса.

Поиски старого в новом — вот, по сути дела, задача, которую ставит перед собой Веселовский. «Определить роль и границы предания в процессе личного творчества»—так сформулирована им самим задача его «Исторической поэтики». Поискам старых сюжетов и поэтических формул в произведениях более поздней поры посвящены и «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе», и «Южно-русские былины», и «Из истории романа и повести».

«На почве Италии, — пишет Веселовский, — среди горожан, богатых образовательным преданием, развивавшим самосознание личности, при эстетическом досуге, и не увядавшем античном культе красоты, возможно было усвоение форм и идеалов: сицилианская лирика, отблеск провансальской, перекочевала в Тоскану, восприняла здесь реализм народной песни и настроение классической культуры, и из этой весенней встречи вышел il dolce stil nuovo, Данте и Петрарка».

Что же породило и dolce stil nuovo, и Данте, и Петрарку? Оказывается, образовательное предание, культ античной красоты и классической культуры, провансальская и сицилианская лирика. Не в конкретной социальной действительности, не в жизни надо, по Веселовскому, искать главный источник новых литературных явлений, а в литературной традиции. Получается замкнутый изолированный круг — литература определяется литературой. Веселовский здесь окончательно покидает материалистические позиции и, в сущности, проповедует чистейший идеализм.

* * *

Академик В. Шишмарев в своей последней статье («Октябрь» № 12, 1947) напрасно пытается представить А. Н. Веселовского диалектиком. Порой В. Шишмарев цитирует так, что может ввести в заблуждение читателей. Приведя, например, отдельные высказывания Веселовского — «Вся история состоит в Vermittelung der Gegensätze (сделка противоположностей), потому что вся история состоит в борьбе», — высказывание не характерное для Веселовского, В. Шишмарев скромно делает ссылку: «Историческая поэтика» стр. 392». «Поэтика сюжетов» и «Историческая поэтика» были завершающими работами Веселовского, где он как бы подводил итоги своей деятельности. Читатель может подумать, что именно к концу жизни Веселовский начал подходить к диалектике. Но все дело в том, что цитированные слова только включены издателями в сборник статей и трудов Веселовского, озаглавленный «Историческая поэтика», но к самой-то «Исторической поэтике» никакого отношения не имеют! Они сказаны на 36 лет раньше появления «Трех глав из исторической поэтики» и взяты из отчета молодого Веселовского о заграничной командировке, написанного в 1863 году. Тогда у Веселовского можно было еще встретить мысли, навеянные идеями Чернышевского и Добролюбова. Но, как мы уже говорили выше, программа молодого Веселовского не была осуществлена Веселовским зрелым.

Последователи А. Н. Веселовского пытаются с большим рвением начисто отрицать всякую связь его концепций с явлениями низкопоклонства перед чужеземной культурой. В упоминавшейся выше статье акад. В. Шишмарев много говорит о том, что Веселовский неоднократно критиковал современную ему западно-европейскую буржуазную науку. Но это не ответ на вопрос. Для Веселовского главным, определяющим литературу фактором была не жизнь, не конкретная социальная действительность, не особенности национального характера, а предшествующие литературные образы, мотивы, сюжеты, поэтические формулы. Отсюда с необходимостью вытекает и игнорирование национального своеобразия художественной литературы.

Дело не в том, что сам Веселовский в своих работах выступал против самостоятельности и оригинальности произведений русского искусства (впрочем, можно и у него найти примеры такого рода—в «Южно-русских былинах» некоторые наши былины представляются им как грубая переделка византийских образцов, берется под сомнение и национальная самобытность «Слова о полку Игореве» и т. д.). Дело значительно глубже. Сама методология Веселовского, избравшего центром исследования литературную традицию, а не жизнь, об'яснявшего литературу литературой же, может послужить (и послужила!) теоретической «базой» для всякого рода квазинаучных и политически вредных книжонок, доказывающих рабскую зависимость нашей культуры от буржуазного Запада. Поэтому настоятельно необходима самая решительная, самая непримиримая марксистская критика всего того, что в наследстве Веселовского может быть использовано нашими идейными противниками.

Разумеется, марксизм не отвергает известного значения литературных традиций, как не отвергает и факта международного литературного взаимодействия. Но марксисты всегда исходили из того, что литературу порождает социальная среда, исторические условия, борьба классов, жизненные потребности данного народа, а не литературные явления предшествующих эпох. К сожалению, еще до сих пор можно встретить такие работы, где литературные явления «выводятся» только из литературы, что по существу означает сползание на позиции идеализма.

Дискуссия о Веселовском связана с вопросом об отношении к наследию буржуазного литературоведения. Она же вскрыла, что отдельные наши литературоведы занимают в этом вопросе не марксистскую позицию. Один из наиболее ярких примеров— статья акад. В. Шишмарева, напечатанная в порядке обсуждения в 12-м номере «Октября». По сути дела, В. Шишмарев выступает апологетом Веселовского, разделяет в основном его взгляды и пытается оградить своего учителя от малейшей критики. Но разве так должен относиться советский литературовед к нашему наследству?

Ленин и Сталин учат нас брать в наследии прошлого самое ценное, прогрессивное и беспощадно отбрасывать реакционное, устаревшее, все, что может помешать нашему движению вперед. Ленин писал, что нельзя хранить наследство, «как архивариусы хранят старую бумагу», что «хранить наследство вовсе не значит еще ограничиваться наследством».

Ленин указывал, что во всех классических работах марксизма мы видим «неизменный основной мотив: настаивание на материализме и презрительные насмешки по адресу всякого затушевывания, всякой путаницы, всяких отступлений к идеализму».

Ленин и Сталин учат нас непримиримой борьбе со всякими отступлениями от материализма. Принцип партийности должен быть положен в основу всей нашей исследовательской и критической работы.

Речь идет не о том, чтобы «выкинуть» Веселовского, а о том, чтобы пересмотреть его наследство с марксистских, материалистических позиций. Все то, что в наследстве Веселовского является вредным, должно быть беспощадно разоблачено и отброшено.

Партия учит нас смотреть в будущее, опираться на все передовое, прогрессивное, выносить приговоры событиям и фактам действительности с позиций завтрашнего дня. Но есть еще в нашей среде ученые, которые никак не расстанутся с «вчерашним днем науки», силятся протащить в наше советское время отжившие догмы прошлого, воскурить во что бы то ни стало фимиам отжившему, безвозвратно ушедшему. С этим надо кончать решительно и бесповоротно.

Малый театр к юбилею Островского

Государственный академический Малый театр широко отмечает 125-летие со дня рождения А. Н. Островского.

В репертуаре Малого театра в настоящее время 5 пьес Островского: «Бедность не порок», «Правда хорошо, а счастье лучше», «Женитьба Белугина», «На всякого мудреца довольно простоты» и «Волки и овцы». Все эти пьесы, вместе с новой постановкой «Доходного места», будут показаны в течение «недели Островского», которую проводит Малый театр в апреле. Будут устроены: литературно-музыкальный утренник из произведений русских композиторов на сюжеты Островского, выездные спектакли и концерты — в академии им. Ленина, Московском государственном университете, на крупных заводах, в госпиталях и т. д.

Музей Малого театра готовит новую экспозицию «Островский в театре».

К юбилейным дням музей откроет свой филиал в Щелкове, в доме драматурга.

Восхваление идеализма и низкопоклонства

В издательстве «Искусство» вышла книга ныне покойного маститого режиссера и видного театрального педагога В. Г. Сахновского «Мысли о режиссуре». Книга эта во многом интересная, живая, творческая, но, однако, крайне спорная по своей методологии, по произвольности оценок, по суб'ективности точек зрения, а кое в чем даже и бесспорно ошибочная.

Посмертное издание книги налагает на издателей особую ответственность. Можно не сомневаться в том, что В. Г. Сахновский, доживи он до исторических постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, многое пересмотрел бы в своих взглядах, в своих утверждениях.

На титульном листе книги мы читаем: «Редакция и вступительная статья Н. М. Горчакова». Однако, дочитав вступительную статью Н. М. Горчакова, читатель узнает, что редактор «совершенно сознательно» отказался от того, чтобы, как он выражается, «подчистить» книгу. А жаль! Книга, как мы увидим, нуждалась в строгом редакторском карандаше.

Напрасно стали бы мы ожидать, что ошибки и недостатки книги будут оговорены во вступительной статье редактора. Куда там! Вся статья—безудержная апология теоретической, педагогической и режиссерской деятельности Сахновского.

Н. М. Горчаков, прямо скажем, не скупится на оценки. Книгу Сахновского «Работа режиссера» он называет «первым (!) серьезным исследованием в области теории и практики режиссуры». Не думайте, что автор статьи попросту позабыл о существовании книг К. С. Станиславского. Нет, несколькими строками ниже он говорит уже по поводу следующей работы Сахновского: «Мы вспоминаем с неизменно теплым чувством чудесную автобиографию Станиславского «Моя жизнь в искусстве», но среди весьма немногочисленных книг, посвященных театральному образованию и воспитанию, «Режиссура и методика ее преподавания» занимает первое место по глубине поставленных в ней вопросов и широкому обзору практики режиссера на театре». Вольно же Н. М. Горчакову сводить классическую книгу великого Станиславского до уровня «чудесной автобиографии»! Неужели и впрямь «Моя жизнь в искусстве» не принадлежит к числу «книг, посвященных театральному образованию и воспитанию»! Неужели и впрямь книга Сахновского занимает тут первое место?

Столь же некритически, апологетически отнесся Н. М. Горчаков и к редактируемой им книге «Мысли о режиссуре».

Он не заметил, что среди мыслей В. Г. Сахновского о режиссуре нет основной, определяющей, решающей мысли — о режиссере, как об идейном художника, нет мысли о партийности, об идейной страстности, как о главном начале в искусстве режиссера. Ни в книге, ни во вступительной статье к ней нет ясно и четко выраженной мысли об общественно-политическом призвании режиссера, о роли театрального искусства в коммунистическом воспитании народа.

Среди мыслей В. Г. Сахновского о режиссуре не нашлось места проблеме работы режиссера над современным спектаклем, с современным драматургом. Немногие строки, в которых упоминаются современные спектакли, поражают своей идейной беспомощностью. Так, например, о «Нашествии» Л. Леонова в постановке Ю. Завадского в книге говорится, что это «произведение, сильное не логикой сюжета, не правдивостью психологии образов, но особым неистовством, бунтом, подпочвенной социальной философией нашего века». Что сие означает?

Проблемы режиссуры автор пытается разрешить, не выходя из круга собственно эстетических понятий! Если добавить к этому, что терминология книги весьма произвольна и суб'ективна, а подчас идеалистична, то научная ее ценность станет очень относительной,—а ведь издательство «Искусство» преподносит эту книгу читателю, не как размышления режиссера-практика, а именно как научный труд. Но кого, к примеру, может сейчас удовлетворить предложенное автором понимание романтизма: «Романтизм есть определенное направление поэтического мышления, определенное мироощущение. Романтически мыслящий суб'ект наполнится высокими чувствами и благородными идеалами, преодолевая, порой даже не замечая, низость, пошлость, скудость окружающего его действительного мира». Что общего имеет подобное дон-кихотское толкование романтизма с романтизмом, как одним из элементов складывающегося в нашем искусстве стиля социалистического реализма?

У нас нет оснований сомневаться в утверждении Н. М. Горчакова, что В. Г. Сахновский страстно любил великую русскую природу «и в ее непосредственном бытии, и в живописи Левитана, и в музыке Глинки, Даргомыжского, Мусоргского и Чайковского». Но не странно ли, что в книге «Мысли о режиссуре» мы не встречаем ни строчки о том же Левитане, но зато находим целые страницы, посвященные пейзажам Рейсдаля, офортам Пиранези, батальным картинам Бургиньона, импрессионистским работам Моне, живописи Франса Гальса и Гольбейна, архитектуре Бернини и даже паркам Ленотра, создателя садов Версаля, Шантильи и Фонтенебло.

Достаточно спорен сам по себе принцип настойчивого и не всегда вразумительного привлечения примеров из области изобразительных искусств к рассуждению о проблемах режиссуры. Но особенно досадно, что русский режиссер в своей книге, обращенной к советской молодежи, неизменно ищет образцы подлинного искусства только в западной живописи, только в западной архитектуре. Страницы книги буквально пестрят иностранными именами. Это, быть может, делает честь эрудиции автора, но никак не делает чести его патриотизму. И совсем уже неловко становится, когда искусство того или иного европейского мастера под пером русского режиссера превращается в обязательный эталон художественности. Сахновский пишет: «Можно наверное сказать, что, если режиссеру не свойственны свобода, мудрость и страстность Пиранези, он скучный, монотонный, в лучшем случае приличный, но непременно без аттической соли человек. У него холодная кровь и бесцветные, как паутина, мысли».

Издательство «Искусство», повидимому, убоявшись таких тяжелых последствий для нашей режиссуры, поспешило иллюстрировать книгу офортами Пиранези, а заодно и пейзажами Рейсдаля, кстати говоря, в прескверных репродукциях.

Не найдет читатель, вопреки утверждениям редактора книги, на страницах «Мыслей о режиссуре» имени Глинки, но зато найдет подробные рассуждения о восхитившей В. Г. Сахновского «Цыганке» Равеля.

Надо полагать, что если бы В. Г. Сахновскому довелось самому подписывать в свет свою книгу в 1947 году, то он бы почувствовал вопиющую фальшь своего преклонения перед западным искусством в дни, когда советская интеллигенция решительно освобождается от всех проявлений низкопоклонства перед заграницей. Но почему же этого не почувствовал редактор книги?

После всего сказанного уже не случайной обмолвкой выглядит утверждение автора книги, что заслуга Станиславского-режиссера заключается в том, что «колоссальный опыт, накопленный до него в европейском театре, был им переработан и закреплен в ряде постановок и в сформулированной им системе работы с актерами». Позволительно ли так преувеличивать влияние европейской режиссуры (уж не мейнингенцев ли!) на Станиславского? Позволительно ли так обходить предшественников Станиславского на русской сцене?

После всего сказанного уже не приходится удивляться крайней предвзятости в перечислении основных образов, созданных великой Ермоловой. «Что было перлами мастерства в искусстве Ермоловой?—пишет В. Г. Сахновский.—Шиллеровские образы—Орлеанская дева и Мария Стюарт, Эстрелья в «Звезде Севильи» Лопе де Вега, Долорес в «Графе де Ризоор» Сарду, Сафо Грильпарцера, Клерхен в «Эгмонте» Гете, Дагни в «Северных богатырях» Ибсена, Гермиона в «Зимней сказке» Шекспира, Юдифь в «Уриэль Акоста» Гуцкова, Лауренсия в «Овечьем источнике» Лопе де Вега».

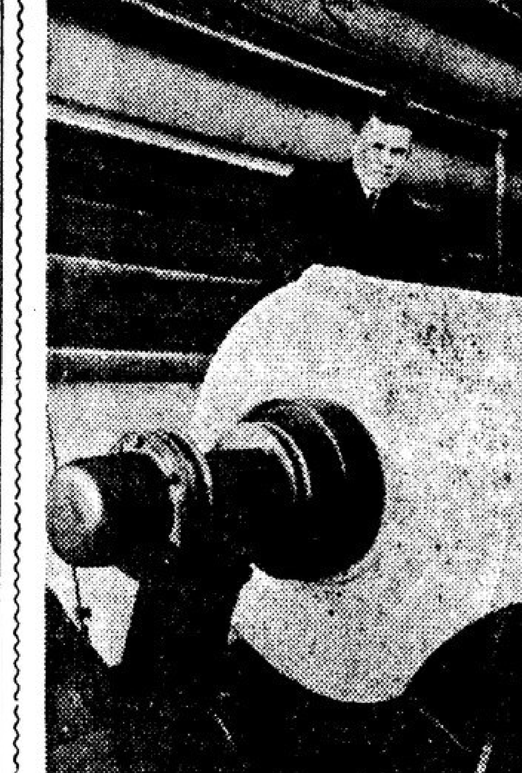
Ни одной русской роли! Как будто М. Н. Ермолова никогда не играла в пьесах Островского, как будто ее Катерина не потрясала сердца зрителей, как будто ее Кручинина была проходной ролью, как будто ее Негина не принадлежит к числу шедевров великой актрисы!

Книга В. Г. Сахновского «Мысли о режиссуре», никак не отредактированная и снабженная апологетической вступительной статьей Н. М. Горчакова, может внести немало путаницы в умы театральной молодежи. Н. М. Горчакову, как декану режиссерского факультета ГИТИС, следовало бы об этом своевременно призадуматься.

Удивительно и то, что серьезные недостатки книги не были отмечены нашей специальной прессой. Газета «Советское искусство» поместила по поводу этой книги восторженную статью В. Комиссаржевского. Правда, в последнем абзаце В. Комиссаржевский пишет, что книга Сахновского «заставляет иногда спорить и в чем-то не соглашаться с автором», но он, однако, не вступил в спор по главному, решающему вопросу—о недопустимом низкопоклонстве перед заграницей.

Н. ГРЕКОВ.

В. Г. Сахновский. Мысли о режиссуре. «Искусство», 1947 г. Стр. 172.

Сушильщик бумажной машины № 1 Балахнинского бумкомбината имени Дзержинского А. Колесов, систематически перевыполняющий норму выработки.
Фото П. Вознесенского

К 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского.

ЦК ВЛКСМ принял решение об участии комсомольских организаций в подготовке и проведении 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского.

В юбилейные дни в школах, высших учебных заведениях, клубах, домах культуры, библиотеках, избах-читальнях будут проведены для молодежи лекции и литературные вечера на темы о жизни и деятельности В. Г. Белинского.

В ССП СССР

12 января в Центральном доме литераторов открылась творческая конференция, посвященная теме «30 лет советской драматургии». После вступительного слова Вс. Вишневского И. Альтман сделал доклад о драматургии 1947 года. «Драматургия братских народов за 30 советских лет» — такова была тема доклада А. Глебова.

Вчера состоялись прения.

Чествование Владимира Сосюры

КИЕВ. (Наш корр.). В Колонном зале Украинской государственной филармонии состоялось торжественное заседание, посвященное 50-летию со дня рождения и 30-летию литературной деятельности выдающегося украинского поэта Владимира Сосюры.

Вступительное слово произнес председатель юбилейной комиссии Союза советских писателей Украины поэт П. Г. Тычина. Доклад о творчестве В. Сосюры сделал кандидат филологических наук Илья Стебун.

Присутствовавшие тепло приветствовали юбиляра. С поздравлениями поэту выступили президент Академии наук УССР академик А. В. Палладин, секретарь ЦК ЛКСМУ Л. В. Гладкая, от Союза советских композиторов Украины — лауреат Сталинской премии А. Я. Штогаренко и другие.

ПЕВЕЦ УРАЛА

СВЕРДЛОВСК. (Наш корр.). В Свердловске состоялась научная конференция, посвященная творчеству Д. Мамина-Сибиряка в связи с 35-летием со дня смерти писателя.

Были прочитаны доклады И. Дергачева, Б. Удинцева (Москва), А. Шарца (Молотов), А. Ладейщикова, К. Боголобова, Б. Павловского, М. Генкеля и др.

Большой интерес вызвала речь старейшего писателя Урала—лауреата Сталинской премии П. Бажова. Он напомнил о той высокой оценке, которую дали в свое время творчеству Мамина-Сибиряка В. И. Ленин, А. М. Горький, дооктябрьская «Правда», и охарактеризовал значение книг талантливого певца Урала для наших дней.

Конференция приняла решение о дальнейшем развертывании работы по изучению наследства Мамина-Сибиряка.

ЗА ОБРАЗЦОВУЮ ПОЛИГРАФИЮ

Жизнь книги надо продлить!

1. Нет заботы о читателе

Помогите, товарищи писатели, сохранить, продлить жизнь и увеличить обращаемость ваших книг.

Издательства выпускают книги без переплетов или в переплетах чрезвычайно низкого качества.

Расчет у них простой: книга настолько дефицитна, что ее возьмут в любом виде, а что с ней будет через неделю-две — это их не интересует... Только равнодушием издательств, промкооперации, местной промышленности к книге можно об'яснить отсутствие переплетных фабрик и мастерских.

Перед нами, библиотечными работниками, зачастую встает вопрос—скорее ли довести до читателя новую книгу, то-есть пустить ее без переплета, либо отложить книгу на месяц-два и дождаться, пока она пройдет весь сложный путь, начиная от частного переплетчика и кончая ее возвращением на библиотечную полку. Вопрос этот разрешается каждый раз по-разному, в зависимости от обстоятельств. Иногда, уступая настойчивости читателя, приходится книги, отложенные для переплета, пустить в оборот с тем, чтобы через месяц-другой с грустью положить их на свалку и списать «за ветхостью».

Не лучше обстоит дело с книгами, вышедшими в издательских переплетах. Обычно отлетает корешок книги, затем выпадают расшитые листы. Издательство «Советский писатель» выпустило в прошлом году книги Катаева «Повести и рассказы» и Алексеева «Яков Железнов». Корешки обеих этих книг — на тончайшей марле: неудивительно, что они отлетают при первом же прикосновении. Другие издательства также страдают безответственным отношением к внешнему облику книги. Стоит ли доказывать, как тяжело это отзывается на работе библиотек, обслуживающих многомиллионные массы читателей!

Зав. библиотекой Первого государственного подшипникового завода
М. ФРАДКИНА

МОСКВА.

2. В поисках переплетчика

Неужели в Москве негде переплести книгу? — подумали мы, прочитав письмо тов. М. Фрадкиной. В первую минуту создалось впечатление, что автор преувеличивает, но многодневное путешествие по городу в поисках переплетчика убедило, что тов. М. Фрадкина совершенно права.

Вы можете пересечь весь город вдоль и поперек, но нигде не встретите ни одной вывески, которая вещала бы о том, что здесь производится прием книг в переплет.

В отделе химической и бумажно-полиграфической промышленности Управления промкооперации при Совете Министров РСФСР встретили нас очень приветливо. Начальник отдела тов. Клейменова внесла в этот вопрос некоторую ясность.

— Переплетные мастерские? Есть. По крайней мере, должны быть. Было даже решение правительства по этому поводу. Нас обязали... Но точнее об этом знают в нашем Московском управлении, а еще точнее — в «Мосгорпечатьсоюзе». Рекомендую обратиться туда.

В «Мосгорпечатьсоюзе» главный инженер тов. Виноградов сурово спросил:

— Вы радио слушаете?.. Надо слушать, — сказал он с укоризной. — Если бы слушали, вам все было ясно. По радио об'являют, что три наши артели принимают книги в переплет. Уж так и быть, запишите адреса: улица Герцена, 16, Рождественский бульвар, 22, Садово-Каретная, 10/12.

Улица Герцена... После долгих поисков мы заметили на двери табличку, где было написано «Коммуна труда». Это типография промкооперации.

— Переплести книги? — осведомилась пожилая женщина. — Знаете, почти не берем... По радио, правда, передавали, но это так... Очень перегружена типография. Впрочем, подождите председателя, может быть, вам, как представителю печати, он и сделает исключение. А вообще я бы вам посоветовала сделать проще: можно договориться с нашим мастером в частном порядке... Это будет и скорее и лучше...

Аналогичная картина открылась нам и в других мастерских, адреса которых указал тов. Виноградов.

Весьма печально выглядит обслуживание «частного сектора». Но как быть библиотекам, у которых десятки, сотни, тысячи книг нуждаются в ремонте? Они ведь не располагают такими громадными средствами, чтобы пользоваться услугами частников по «сходным» ценам.

Во многих библиотеках существуют свои собственные переплетчики-любители. Это, главным образом, библиотечные активисты, школьники. В меру своих сил и умения они помогают продлить жизнь книги. Но и тут возникает много вопросов: где взять картон, бумагу, коленкор, клей, проволоку, нитки? Главполиграфснаб не может снабжать библиотеки всеми этими материалами — он обслуживает в плановом порядке лишь полиграфические предприятия.

Мало квалифицированных кадров, крайне примитивна техника переплетного дела. У нас есть школы ФЗО, ремесленные училища по всевозможным специальностям, но нет ни одной школы, которая выпускала бы переплетчиков.

В последнее время выпуск книг в переплетах увеличился. Но все же огромное количество новых книг представляет собой, в сущности, полуфабрикат, который, прежде чем попасть к читателю, подвергается дополнительной обработке в библиотечных коллекторах и в самих библиотеках.

В Московском коллекторе нам показали любопытную сводку: из трех миллионов книг, полученных от издательств за последние двадцать месяцев, едва лишь треть имеет твердые переплеты. Остальные снабжены бумажной обложкой. При коллекторе существует переплетная фабрика, которая, в меру своих сил, стремится прикрыть грехи издательств и типографий.

Коллектор не имеет, конечно, возможности обработать миллионы экземпляров при той убогой технике, которой располагает его переплетная фабрика. И в итоге—сотни тысяч книг попадают в библиотеки в бумажных обложках. В библиотеке имени Пушкина за последние три месяца получено 2.000 книг, из них 800—без переплетов. Жизнь такой книги длится месяц-полтора. Не проще ли избавить библиотеки и книготоргующие организации от несвойственной им нагрузки и давать прямо из типографии всю продукцию в добротных переплетах? Миллионы рублей будут спасены, и книжные фонды обретут более долгую жизнь.

Конечно, это не разрешит всей проблемы. Через год-полтора и переплетенная книга потребует ремонта. Пора серьезно заняться организацией школ переплетчиков и открыть широкую сеть переплетных мастерских, обслуживающих и библиотеки и отдельных граждан.

Б. ЛЮБИМОВ.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Бракоделы в „Московском рабочем"

«Друзья из «Московского рабочего»! Вы издаете художественную (да и другую) литературу на газетной бумаге, но зато.. очень дорого. Небольшая книжка стихов М. Исаковского стоит 17 рублей. За книгу Б. Волина вы назначили цену — 4 рубля, тогда как в издании «Красной звезды» эта книга стоит 1 рубль 30 копеек».

Так писала группа читателей, жителей Пушкинского района Московской области

Московский областной отдел Союзпечати, по их просьбе, направил это письмо издательству «Московский рабочий». Однако издательство не сочло нужным ответить читателям, предлагавшим пересмотреть нелепые цены.

Союзпечать, распространяя книги, издаваемые «Московским рабочим», часто сталкивается с подобными нареканиями. Сигнальные экземпляры книг мы получаем от издательства хорошо оформленные, совсем не похожие на те, которые выходят массовым тиражом.

Много типографского брака в изданиях «Московского рабочего». Так, в книге М. Пришвина «Кладовая солнца» (тираж 15.000, цена 15 руб.) после 32-й страницы сразу идет... 49-я, в «Хозяине трех гор» Ковалевского после 16-й страницы—177-я, а после 192-й — 33-я (эта страница почему-то вставлена в книгу дважды!). Перепутаны листы в книге Анны Караваевой и во многих других.

Не пора ли издательству «Московский рабочий» положить предел браку и покончить с безразличным отношением к запросам читателей?

А. АБРАМОВ,
начальник Московского областного отдела Союзпечати.

Звезды и люди

Ясной февральской ночью 1946 года путевой рабочий станции Шимановская, Дальневосточной железной дороги, тов. Каменчук, закончив очередной обход, пристально вглядывался в небо.

И он нашел то, что искал: в созвездии Северной Короны сияла зеленоватая звездочка. Еще вчера ее здесь не было видно.

Казалось, такое открытие не могло удивить астрономов. Ежегодно на небе вспыхивает не менее сотни так называемых «новых» звезд. Это светила, внезапно увеличивающие во много раз свою яркость. Однако известие о находке тов. Каменчука имело особенные последствия. Во всех обсерваториях мира наблюдатели у спектрографов в величайшем волнении нацелились на участок неба, где раскинулось созвездие Северной Короны.

Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, придется сделать отступление.

* * *

Изучение спектров «новых» звезд в моменты их внезапной вспышки показало, что оболочка этих звезд разлетается, как бы распираемая изнутри могучими силами взрыва. «Новые» звезды и в самом деле находятся в состоянии взрыва. Их световое излучение возрастает иногда в 100—200 тысяч раз в течение нескольких дней. Спустя несколько недель, они обычно тускнеют, породив на месте взрыва облако газообразной материи.

Солнце — одно из рядовых светил в тридцатимиллиардном звездном рое Млечного пути. Не предстоит ли, в таком случае, и солнцу пройти через стадию «новой»? Что станет тогда с жизнью на земле?

«Шалаш, раскинувшийся на склоне Везувия!» — обронил по этому поводу недавно умерший английский астрофизик-идеалист Дж. Джинс. «Шалаш» — человеческое общество. «Везувий» — угрожающее ежеминутно взорваться Солнце..

«Мораль», прямо сформулированная отсюда реакционными последователями Джинса, такова: «Стоит ли тратить силы на борьбу за лучшее будущее человечества на земле? Стоит ли задумываться о недостатках капиталистического строя! Все равно в один момент вся жизнь на нашей планете может пойти насмарку». Смирись, гордый человек, и молись!..

Потомки палачей Галилея и Джордано Бруно, обзаведшиеся ныне собственной радиостанцией (радио — «Ватикан») и астрономической обсерваторией, регулярно вещают в эфир сообщения о возможном «светопреставлении». Единственный способ избежать превращения Солнца в «новую», — если верить рясоносным звездочетам, — это отмежеваться от безбожного коммунизма!

«Попюлэр сайенс», «Сайнтифик америкэн» и прочие, с позволения сказать, органы «научной» вульгаризации в Америке, захлебываясь, соревнуются в живописании «подробностей» грядущей катастрофы.

«В первую же секунду люди потеряют зрение от нестерпимого блеска солнечных лучей...» «Через 48 часов расширяющаяся солнечная оболочка достигнет земного шара. Океан закипит. Все живое на земле «сварится вкрутую». Через несколько недель дневное светило вернется к своему первоначальному блеску. Но поздно! Вместо ласкающих глаз цветущих полей взору воображаемого наблюдателя предстанет растрескавшаяся и обуглившаяся безжизненная пустыня!»

К этой проповеди «научного» пессимизма был добавлен еще один комментарий.

С тех пор, как было определено расстояние до соседней с нами звездной вселенной, так называемой «туманности Андромеды», стало ясно следующее: расстояние это настолько велико, что одна из вспыхнувших внезапно в этой туманности звездочек, чтобы быть видимой с земли, должна была обладать истинной яркостью, еще в тысячи раз большей, чем светимость обычных «новых» звезд. Находка этой звездочки открыла собою, таким образом, новый класс гигантских звездных взрывов. «Сверхновые» звезды!

Для обоснования устрашающей возможности превращения Солнца в «сверхновую» была пущена в ход тяжелая артиллерия. Маститый глава оксфордской школы теоретиков-астрофизиков Е. А. Милн незадолго до минувшей войны развил теорию, имевшую целью доказать, что взрывы «сверхновых» являются неизбежной стадией в жизни каждой звезды. Несмотря на обильное оснащение математическими выкладками и прочими признаками учености, теория эта вошла вскоре в противоречие с наблюдательными данными, и Милн прекратил свое исследование. Ему протянул костыль американский астрофизик Дж. А Гамоу.

Причудливая особенность биографии этого последнего ученого состоит в том, что он некогда писал свою фамилию и имя несколько иначе, чем пишет сейчас, а именно: «Гамов Георгий Антонович». Очутившись на чужбине и запродавшись за доллары в Вашингтонский университет, Гамов — Гамоу не обогатил науку сколько-нибудь серьезными исследованиями. Высиженная им в 1939—1942 годах гипотеза образования «новых» и «сверхновых» звезд не вывела теорию Милна из тупика.

Но на этом этапе, разбивая в прах карточные домики реакционных и лженаучных домыслов, в историю вопроса властно вмешалось советское естествознание.

* * *

Перед нами — недавно вышедшие в свет белые тетради «Докладов» Академии наук СССР (№№ 1 и 2, серия 56 за 1947 год). В этих тетрадях — замечательная работа ленинградских ученых Л. Э. Гуревича и А. И. Лебединского, выводящая тайну «сверхновых» и «новых» под яркий свет материалистической астрофизики.

Л. Э Гуревич и А. И. Лебединский тонким математическим анализом исследуют ход излучения и накопления энергии во внутренней толще звезд. Они приходят к выводу, что существует критическая температура перевалив через которую, звезда начинает приобретать «взрывчатые» свойства.

Эта температура вычислена ленинградскими учеными. Она **почти в три раза** больше той, которая, по последним данным советского астрофизика профессора Козырева, фактически наблюдается в недрах Солнца. Что же касается особо мощных взрывов типа «сверхновой», то для них требуется еще более высокий накал: **в четыре с лишним раза выше, чем у Солнца.**

Не только наше дневное светило, но и подавляющее большинство других звезд никогда не имели, не имеют и — по своему строению — не могут иметь подобные температуры.

Решающей важности открытие!

Становится очевидным, что «взрывчатость» является уделом лишь очень ограниченной категории светил, а именно тех, чья внутренняя температура может достигнуть критической.

«Сверхновые» звезды в действительности представляют чрезвычайно редкое явление. Из тридцати миллиардов звезд Млечного пути только **три** претерпели такой сверхвзрыв за последнее тысячелетие. В 1054 году китайские летописи отметили возникновение звезды, превосходившей своим блеском Луну. Через пять веков — в 1574 году — Европа была взбудоражена появлением неведомого светила, сиявшего ярче, чем все планеты. Его можно было бы видеть при солнечном свете среди бела дня...

«Новые» звезды в отличие от «сверхновых» вспыхивают гораздо чаще. Но они появляются зато уже настолько часто, что, если бы все светила «по очереди» проходили через эту стадию, тогда Солнце должно было бы уже несколько раз на протяжении истории Земли стать «новой» звездой. Между тем летопись земной коры неопровержимо свидетельствует, что за последние 2 миллиарда лет, во всяком случае, наше дневное светило не испытывало никаких особых «неприятностей»...

Отсюда еще раз следует, что Солнце не относится к той разновидности звёзд, которые подвержены взрывам. Точку над «и» в этом вопросе поставила недавняя замечательная работа Б. А. Воронцова-Вельяминова в Москве. Можно ли различать на-глаз «взрывчатое» светило среди миллионов звезд не взрывающихся? Профессор Воронцов-Вельяминов предлагает метод, позволяющий установить как раз такого рода «метку» или «тавро» для потенциальных новых звёзд. Этим тавром оказались некоторые особенности строения звездного спектра...

Оставалось разрешить еще одну проблему, как совместить узкую обособленность звездного семейства будущих «новых» с сравнительно очень частым их появлением на небе?

Ответ мог быть только один. Звезды из той редкой «породы», которая обладает способностью взрываться, должны испытывать эти взрывы повторно, и притом очень много раз.

Московские астрофизики П. П. Паренаго и Б. В. Кукаркин еще в 1934 году вывели формулу, позволяющую предсказывать срок повторения вспышек для каждой «новой».

Последнее слово, как всегда, оставалось за опытом.

Большинство «новых» звезд, следуя Паренаго и Кукаркину, должно повторять вспышки примерно через каждые 3000 лет, или, по более новым данным Воронцова-Вельяминова, — через каждую 1000 лет в среднем. Но для некоторых из этих звезд, например, для «новой», вспыхнувшей в 1866 году в созвездии Северной Короны, вычисление давало более короткий интервал времени: около 80 лет.

Это означало, что **между 1945 и 1950 годами следовало ожидать очередного появления «новой» в созвездии Северной Короны.**

Это научное предвидение полностью оправдалось! Слава проверки цепи гениальных открытий принадлежит, как мы видели, скромному советскому рабочему, усердному любителю астрономии тов. Каменчуку. Терпеливо, каждую ясную ночь, поджидал он предсказанное небесное явление в назначенном для него месте неба...

Его терпение было вознаграждено.

Теперь понятна причина волнения, охватившего астрономические обсерватории во всех концах земного шара в февральские дни 1946 года. Вспышка зеленоватой звездочки в созвездии Северной Короны должна была послужить своего рода «решающим экспериментом» («экспериментум круцис»), подтверждающим правильность теории повторяемости вспышек «новых». Вместе с тем должна была подтвердиться и правильность концепции, исключающей Солнце из числа «взрывчатых» звезд.

Это произошло.

Наука социализма отметила один из благороднейших своих триумфов. В лучах животворящего света нашей науки рассеялись без остатка ядовитые испарения пессимизма и обреченности, источаемые загнивающим болотом буржуазного естествознания.

Со стороны «небесных сил» ничто не угрожает, как видим в итоге, счастливому будущему человека на нашей планете. Что же касается «сил земных» — сил империализма и реакции, то об обезврежении этих последних также должно позаботиться прогрессивное и передовое человечество.

Вл. ЛЬВОВ.

Советская литература за 30 лет

В залах Государственного Литературного музея откроется на-днях выставка «Советская литература за 30 лет». Ее многочисленные экспонаты — книги, журналы, иллюстрации, фотографии, рукописи покажут достижения нашей художественной литературы после Октябрьской революции.

Один из залов выставки посвящается творчеству А. М. Горького и В. Маяковского. В других залах будет представлена литература эпохи гражданской войны, первых сталинских пятилеток, Великой Отечественной войны и послевоенных лет.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

★ **Пленум Совета Всероссийского театрального общества** (ВТО) открылся 12 января в Москве. На пленум прибыли из городов РСФСР художественные руководители и творческие работники периферийных театров. Заместитель председателя ВТО проф. М. С. Григорьев рассказал о работе общества за минувший год и сообщил о плане работ на 1948 год.

★ **Государственные экзамены** начались в Московском художественном институте. Комиссия, возглавляемая народным художником СССР В. Мухиной, оценила, как выдающиеся произведения, работы молодых скульпторов Татьяны Поляковой (портрет партизанки Лизы Чайкиной) и Любови Канонос («Шевченко»).

Из работ по живописи экзаменационная комиссия, под председательством народного художника СССР Б. Иогансона, особо выделила картину Михаила Суздальского «Горький и Свердлов в Нижнем».

★ **Общемосковский слет юных читателей** состоялся 9 января в концертном зале имени Чайковского. Слет подвел итоги недели детской книги.

Своими творческими замыслами поделились со школьниками лауреаты Сталинской премии писатели С. Маршак, А. Сурков, Б. Полевой. С приветствиями молодым читателям выступили академик В. Н. Образцов и знатный мастер завода «Калибр» Николай Российский.

Директор Детгиза тов. Л. Дубровина сделала на слете сообщение об издании детской литературы.

Молодые читатели приняли письмо-наказ писателям и издательским работникам.

★ **Почетными грамотами Президиума Верховного Совета** Литовской ССР награждена группа переводчиков и популяризаторов литовской литературы. Среди награжденных писатели: Н. Тихонов, М. Зенкевич, С. Мар, Д. Бродский, З. Шишкова, Б. Ларин, критик и литературовед В. Кирпотин, директор Гослитиздата Ф. Головенченко, редакторы московских издательств К. Зелинский, С. Кирьянов, Л. Блюмфельд, А. Деев, Б. Евгеньев, З. Кулманова, А. Рябинина.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01105.